

БОГИ ДАЛИ ЛЮДЯМ ПАМЯТЬ, ЧТОБЫ МЕРТВЫЕ МОГЛИ
МСТИТЬ РУКАМИ ЖИВЫХ

ГРАЙ ВОРОНОВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СКАДИ СКААР

18+

Скади Скаар Грай воронов

<https://litres.ru/74636029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Далия родилась в Хедебю, в семье, где ложь давно пустила глубокие корни.

Когда огонь забрал её родителей, она решила, что и сама обречена на гибель. Но в её жизни появился он — тот самый мальчишка с синими глазами, который давно перестал быть для неё просто другом.

Теперь им предстоит пройти этот путь вместе и добраться до тех, кто причинил им боль. Но месть потребует своей цены, и прежде, чем они смогут свести счёты с прошлым, им придётся потерять гораздо больше, чем они готовы отдать

Скади Скаар

Грай воронов

Любовь учит, куда бить больше всего...

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Дорогой читатель!

«Грай воронов» — художественное произведение, основанное на исторических эпохах, реалиях и верованиях народов раннего Средневековья. Несмотря на использование исторических имён, географических названий и отдельных событий, характеры персонажей, их взаимоотношения и значительная часть происходящего являются плодом авторского вымысла и не претендуют на полное соответствие исторической действительности.

Описанные в книге конфликты, обычаи и религиозные противостояния служат частью художественного замысла. Они **не являются** выражением позиции автора по отношению к каким-либо народам, культурам или верованиям.

В произведении присутствуют сцены насилия, жестокости, боевых действий, убийств и смерти, а также темы предательства, утраты, мести, психологического давления и тяжёлых эмоциональных переживаний.

Возрастное ограничение: 18+

Если определённые темы могут вызвать у вас сильный

эмоциональный дискомфорт, рекомендую учитывать предупреждение о содержании перед началом чтения.

ГЛАВА 1. Пророчество вёльвы

Мы почти не замечаем мгновений, что проносятся перед нашими глазами, забывая, что именно в них порой и решается судьба. Мы откладываем улыбки на потом, сдерживаем смех и всё реже позволяем себе просто жить, словно хорошее стало само собой разумеющимся и больше не нуждается в нашем внимании. Лишь перед прощанием приходит эта минутная ясность, заставляющая увидеть то, от чего мы так долго отворачивались, и принять правду такой, какая она есть.

Облака уходят так же тихо, оставляя после себя лишь призрачную память о своём недолгом присутствии. Они плывут к горизонту над тёмными фьордами и скалистыми берегами, растворяясь там, где взгляд уже не в силах удержать их силуэты. Белые следы медленно тают в холодном небе, и вскоре уже невозможно понять, были ли они здесь на самом деле.

Магнус Бесстрашный ушёл, зная это. Его решение не было таким лёгким, каким казалось многим из его соратников. Оно требовало отказаться от прошлого, в котором всё ещё таились тени, готовые вцепиться в него, от привычной жизни и даже от самого себя, от того внутреннего Магнуса, который всё ещё жаждал странствий, дальних берегов и неизведанных земель. Но ради чего-то по-настоящему великого,

а Магнус считал рождение дочери именно таким даром, он был готов заплатить любую цену, пусть даже однажды эта цена окажется равна его собственной жизни.

Магнус привык к свободе. Он не был человеком, способным годами оставаться в одном месте, довольствуясь спокойной жизнью вдали от моря и сражений. Его душа принадлежала дороге, ветру и дальним берегам, а война была не только долгом перед конунгом, но и частью той жизни, которую он выбрал для себя. Однако ради долгожданной дочери, ради того великого счастья, которого он ждал столько лет, Магнус отказался от битв, войн и путешествий, от желания вновь увидеть, что лежит там, за морем.

Однажды вёльва сказала ему, что у него родится дочь, но до её появления он потеряет всех детей, что придут в этот мир раньше неё. Она будет единственной его кровью и единственной, кому предназначена великая судьба.

И как бы сильно его душа ни плакала, когда он сидел на очередном тинге, как бы ни дрожало сердце и как бы машинально рука ни тянулась к топору при виде уходящих на юг драккаров, он всё же знал, что рождённая дочь, спящая дома в руках любимой женщины, стоила всего, от чего ему пришлось отказаться. Стоила дальних берегов, грохота битв, солёного ветра в лицо и той свободы, ради которой когда-то он мечтал стать воином.

Когда Магнус был ещё ребёнком, он мечтал странствовать. Его душа трепетала в ожидании того дня, когда он ста-

нет старше и наконец начнёт собственный путь воина, но Оддгейр, вечно хмурый и суровый мужчина, лишь качал головой, напоминая ему, что его долг — быть рядом с ним, стать воином и верным семьянином. Таким Магнус и стал: прославленным воином, чьё имя знали во всех окрестных землях, и верным, любящим мужем. Там, дома, хлопотала его недавно разрешившаяся от бремени жена, пока он сидел в чертоге своего конунга, среди людей, с которыми провёл большую часть своей жизни.

— Скель! — кричали воины, поднимая кружки с элем и расплёскивая пену на пол.

Сидя по правую руку от конунга Вигго, Магнус смотрел на всё происходящее почти безучастно. Ему было знакомо здесь всё: запах дыма, пролитого эля и жареного мяса, гул голосов, звон кружек, тяжёлые шаги воинов, смех, доносившийся из-за длинных столов. Всё это было родным, но в то же время уже стало чужим, и Магнус понимал, почему. Рука Вигго коснулась его плеча, тот что-то говорил, однако Магнус почти не видел движения его губ и не вслушивался в слова, не зная, то ли хмель уже затуманил голову, то ли он просто не хотел слышать того, что говорил этот человек, которого когда-то любил всем сердцем и который в конце концов причинил боль им обоим.

Отвернувшись, он вновь задумался о своей жизни. Ещё ребёнком Оддгейр прививал ему силу, волю и справедливость. Отец так часто бил его за проказничество, что одна-

жды оставил на коже сына несколько шрамов. Да, Оддгейр был жесток, но в глазах Магнуса всегда оставался справедливым, и многое из того, чем теперь жил сам Магнус, пришло к нему от отца. От него же он перенял и ремесло, которым славился в землях данов и далеко за их пределами.

Магнус Бесстрашный был не только воином, но и кузнецом. Его руки обладали редким даром. Искусствоковки требовало терпения, силы и предельной сосредоточенности, а всего этого у Магнуса было в избытке. Он любил проводить дни напролёт в своей мастерской, и теперь, когда ему больше не нужно было спешить к очередному набегу, мог часами стоять у горна, отбивая молотом раскалённое железо. Он видел, как с каждым ударом бесформенный кусок стали принимал нужную форму, как металл становился послушным его рукам, как под ударами молота рождалось оружие, которое однажды могло решить исход чужой битвы. Ему нравилось слушать, как сталь поёт под молотом, принимая его волю, а воля у Магнуса была крепкой, почти каменной.

Его мастерство быстро стало предметом разговоров, и уже много лет к нему стекались люди из отдалённых краёв. Каждый хотел заполучить его копье, молот, лук, нож или меч, но Магнус лишь складывал грязные руки на груди, поднимал широкую бровь и качал головой. Не дурак он, каким его считали некоторые незнающие люди, чтобы отдавать работу за бесценок: свои творения Магнус продавал дорого, за большие деньги, но далеко не каждому встречному.

Он любил всматриваться в лицо человека, слушать, как тот говорит, замечать, как держится, во что одет и что выдаёт его взгляд. Магнус хотел знать, кому отдаёт оружие, потому что для него меч никогда не был просто куском выкованной стали. Если он понимал, что человек недостойн, то без сожаления давал ему отворот-поворот. И даже если тот предлагал бы ему всю казну гётов, Магнус не продал бы ни одного своего творения.

В этом заключался его принцип и то внутреннее чувство, от которого он никогда не отступал: оружие должно становиться продолжением человеческой воли, а воля эта обязана быть сильной, твёрдой и достойной того, чтобы держать в руках сталь. Таких людей в Мидгарде, по мнению Магнуса, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Вечер наступил слишком быстро, Магнус и не заметил, как вернулся домой. Хмельное настроение развеялось ещё по дороге, но мысли всё так же теснились в голове, не давая ему избавиться от тревоги. Весь день он улыбался, смеялся вместе с остальными, принимал поздравления и позволял всем видеть в себе счастливого отца. Но стоило ему переступить порог чертога, как эта улыбка осталась за дверью.

Ребёнка он любил — тут и спорить никто не мог. Его малышка, с той особенностью во взгляде, которая с самого рождения отличала её от других детей, стала центром его мира. Он всегда уделял ей больше внимания, чем жене, качал на руках, тихо пел ей песни и вырезал игрушки, хотя девчушка

была ещё слишком мала, чтобы толком ими играть.

Когда он вошёл в дом, небо уже медленно темнело, лёгкий ветер, пахнувший свежескошенной травой, дымом очагов и горячей едой из соседних домов, бил в спину, пока Магнус переступал порог. Внутри было тепло и тихо. Он забрал малышку из рук Дагейд, которую поначалу всё ещё называл рабыней, хотя давно уже перестал воспринимать её только так. Она стала для них почти родной, помогала по дому и нередко оставалась рядом с девочкой, когда Гизале приходилось заниматься другими делами.

Малышка была укутана в мягкое полотно и не спала, внимательно наблюдая за отцом.

— Не спишь? — тихо спросил Магнус, покачивая её на руках. Он шагнул в комнату и сел возле резной кровати, которую сам для неё сделал, вспомнив такие же у других детей, которых когда-то видел. — Тогда давай спать. Папа тебе споёт.

И он действительно запел, продолжая осторожно покачивать дочь. Голос Магнуса был непривычно тихим, почти шёпотом, чтобы эту песню слышала только она. В доме стояла тишина, нарушаемая лишь его голосом да редким потрескиванием огня. В воздухе смешались запах еды, горелых поле-ньев и сушёных трав, которые собирала Гизала. Наверное, и теперь она была где-то неподалёку, занималась своими делами, ведь дома Магнус её ещё не видел.

Держа дочь на руках, он не мог заставить себя улыбнуть-

ся, хотя должен был, ведь весь день, пока сидел в чертоге Вигго, скучал по ней. Руки Магнуса казались огромными рядом с маленькой головкой девочки. На них проступали старые шрамы и мозоли, оставленные оружием и кузнечным ремеслом. Каждый раз, проводя ладонью по голове дочери, он невольно затаивал дыхание, опасаясь сделать что-нибудь не так и причинить ей боль. Магнус привык быть безупречным во всём: хорошим мужем, верным воином, надёжным другом и искусным кузнецом. Он привык отвечать за то, что делал, и потому даже детский плач заставлял его тревожиться, если дочь заплачет, значит, он не смог уберечь её от боли.

А ведь он так хотел быть для неё именно тем человеком, рядом с которым ей никогда не придётся бояться.

— Спи, моя малышка, — прошептал Магнус, целуя дочь в лоб.

Усевшись поудобнее, он продолжал смотреть на засыпающую девочку, слушая её тихое сопение. Прижав её к груди чуть крепче, он поправил ткань, стараясь укрыть дочь теплее. Хотя за стенами стояло лето и вечерний воздух всё ещё хранил дневное тепло, Магнус всё равно боялся, что ей станет холодно. Он укрыл её ещё раз, провёл пальцами по мягкой ткани и только после этого позволил себе немного расслабить плечи.

На первый взгляд всё казалось идеальным: любящий отец укачивал дочь в тихом доме, где потрескивали в очаге поленья, а за стенами медленно опускался северный вечер. Но всё

было не так, и каждый, кто жил в этом доме, понимал это, хотя никто не осмеливался произнести вслух то, что происходило в этих стенах.

Пока Магнус смотрел своими голубыми глазами на дочь, за ним уже наблюдали зелёные, полные скорби и печали. Если взглянуть в них внимательнее, там почти не осталось жизни, лишь редкие вспышки бывшего счастья, да и от него сохранилось не больше, чем горсть высушенной травы, которую ветер способен рассеять одним порывом. Женщина, заполучившая сердце Магнуса, стояла за углом, скрытая тенью, так, чтобы муж её не заметил, и наблюдала за ним, стискивая кулаки всё сильнее, пока ногти не впились в ладони. Но когда Магнус вновь поцеловал их общую дочь в лоб, Гизала закусил губу до крови и медленно покачала головой, словно пыталась отогнать от себя мысль, которую сама же не могла больше выносить.

Не в силах терпеть, она глухо топнула босой ступнёй по полу и выбежала наружу, где холодный ветер облизал её солёные щёки. Каждый раз, наблюдая за мужем и видя, с какой нежностью он относится к их ребёнку, Гизала чувствовала, как внутри неё что-то ломается, а вслед за этой болью поднималась ярость, от которой порой становилось страшно даже ей самой. Она не могла принять дочь, не могла, сколько бы ни пыталась убедить себя в обратном. Она сама родила эту девочку, сама носила её под сердцем, когда ещё ждала её появления, но теперь ребёнок стал для неё обузой, к ко-

торой она оказалась не готова, и чем сильнее Магнус любил малышку, тем сильнее Гизала ощущала, что теряет его. Иногда ей хотелось сделать то, за одну мысль о чём она потом ненавидела себя ещё больше, — утопить ребёнка и навсегда прекратить эту боль.

— Тише, Гизала, — пыталась успокоить себя женщина, растирая мокрое от слёз лицо. — Тише, она не отнимет его у тебя. Не отнимет.

Но собственная дочь, плоть от её плоти и кровь от крови Магнуса, стала для Гизалы настоящим испытанием, превратившись в соперницу, с которой она теперь воевала в собственном сердце за внимание мужа. Растирая лицо всё сильнее, она пыталась стереть вспыхивающие в памяти картины тех дней, когда ещё чувствовала себя счастливой. Они казались такими далёкими, словно принадлежали не её жизни, а чужой саге, которую когда-то рассказывали у очага. Тогда на её руках сидел другой младенец, с такими же светло-пепельными волосами и такими же зелёными глазами, как у неё, а маленькие пальчики цеплялись за её пряди и тянули их к себе, заставляя Гизалу смеяться.

Но те дни остались в прошлом.

Гизала была невероятно красивой женщиной, но и эта красота теперь осталась где-то в прошлом, в тех днях, когда её питало счастье, а не злоба и вина. Теперь она носила на душе груз собственных ошибок и до сих пор корила себя за смерть дочери. Кожа её потускнела, лицо осунулось, а преж-

ний блеск задорства в зелёных глазах давно угас, и казалось, что вернуть его уже не сможет ничто. О сердце и говорить было нечего, если бы его действительно можно было вынуть из груди и заменить камнем, Гизала, наверное, давно бы сделала это, лишь бы больше ничего не чувствовать.

Этот вечер был таким же, как и многие до него. Как обычно, Гизала убежала из дома и села возле большого валуна неподалёку от их жилища, где могла тихо плакать, зная, что там, за стенами, Магнус оставался с её дочерью. Стоило ей опуститься на холодную землю, как она позволяла душе плакать, позволяла себе раствориться в воспоминаниях о тех днях, когда была счастлива и рядом с ней находились люди, которых теперь больше не было. Со смертью первенца между ней и Магнусом словно выросла высокая каменная стена, и сколько бы они ни пытались пробить её, ничего не выходило. Лишь когда Гизала объявила, что ждёт дитя, Магнус вновь посмотрел на неё иначе, и ей показалось, что прежняя близость возвращается, что всё наконец встало на свои места. По крайней мере, тогда она так думала.

Но всё оказалось лишь временным, как и многое в этом мире, где даже то, что кажется вечным, однажды отдаётся в руки судьбы. Когда Гизала родила дочь, она почти сразу поняла, какую ошибку совершила, сохранив эту жизнь.

В присутствии мужа женщина ещё пыталась сохранять видимость материнской заботы. Она натягивала на лицо блёклую, неестественную улыбку, говорила тихим, на первый

взгляд ласковым голосом, могла погладить дочь по голове или даже ненадолго взять её на руки. Всё это — лишь потому, что рядом был Магнус и она не хотела, чтобы он видел правду.

Но стоило ему покинуть дом, как маска спадала с лица его любимой женщины. Каждый раз от одного его присутствия к горлу подступала тошнота, а внутри поднималось то самое отвращение, которое Гизала не могла заставить себя подавить.

Она не теряла ни секунды, чтобы передать девочку Дагейд, стоило той начать капризничать. Далия — так называли их дочь Магнус — тянулась к матери маленькими руками, искала её тепла, её голоса, её запаха, но Гизалу раздражало всё, от плача до смеха, и даже тихое сопение ребёнка. Порой в ней поднималось такое желание ударить девочку, что Дагейд всякий раз оказывалась рядом раньше, чем Гизала успевала сделать шаг. Она останавливала её и напоминала, что Магнус придёт в ярость, если увидит на своей любимой дочери хоть малейший след.

И вот сегодня, после долгих размышлений и выпитого в чертоге Вигго эля, Магнус Бесстрашный окончательно понял, что его терпению пришёл конец. Дураком он не был и давно видел то, что Гизала так старательно пыталась скрыть. Сначала он списывал её холодность на тяжёлое состояние после родов, о котором не раз слышал от товарищей: мужчинам рассказывали, как рождение ребёнка порой меняет женщи-

ну, как боль, бессонные ночи и страх могут сделать её чужой самой себе. Но время шло, а вместе с ним становилось всё очевиднее, что с Гизалой происходит нечто иное, нечто гораздо более тёмное и опасное для их дочери.

Его доверие к Гизале рухнуло окончательно в тот день, когда он вернулся домой и услышал её крик. Девочка захлёбывалась слезами, тянулась к матери маленькими руками, просилась на грудь и в объятия, а Гизала кричала на неё, осыпая проклятиями. Тогда они впервые по-настоящему разругались, и после той ссоры между ними уже ничего не стало прежним. Магнус устал от криков, от лжи, от тех оправданий, которые день за днём лились из её уст. Он пытался любить её, несмотря на всё, что видел, пытался закрывать глаза, потому что когда-то отдал ей своё сердце и не хотел признавать, что женщина, которую он любил, стала чужой ему.

Разжав кулаки, Магнус ударил ладонью по кровати. Он тяжело выдохнул, поднялся и осторожно положил малышку в резную кроватку, затем строго-настрого приказал Дагейд не отходить от неё и следить за каждым её движением, пока он не вернётся. Сам же подошёл к деревянной миске в углу, умыл лицо холодной водой и вышел наружу, надеясь, что вечерний воздух остудит ярость, прежде чем она заставит его сказать Гизале то, о чём они оба потом пожалеют.

Снаружи его встретил лёгкий ветер, принёсший запах хвои, влажной земли и леса, начинавшегося сразу за их домом. Вдали шелестели кроны, а над тёмными деревьями мед-

ленно угасал летний свет.

Лето всегда было его любимым временем года. Это была пора, когда земля дышала светом, поля зеленели, скот пасся на пастбищах, а жизнь казалась щедрой настолько, что даже человек, привыкший смотреть на мир через сталь и кровь, мог на мгновение поверить в её милость. Старики говорили, что судьбу человеку не обмануть, что норны уже ткут нить каждого из нас, но Магнус никогда не любил думать о том, что всё предрешиено. В такие вечера ему хотелось верить, что пока человек держит в руках меч, топор или просто ладонь того, кого любит, он всё ещё способен что-то изменить.

— Жизнь — это дар, — прошептал он, глядя в темнеющее небо, — и испытание.

Слова прозвучали тихо, но твёрдо, словно он произносил их не миру, а самому себе, пытаясь найти в них опору. Тяжело выдохнув, Магнус провёл ладонью по лбу и почувствовал, как напряжение отзывается в сведённых мышцах. Он знал, что этот разговор неизбежен, и впервые понимал: как бы сильно он ни любил Гизалу, долг отца стоял выше этой любви. Он мог простить многое, мог вынести почти всё, что предназначала ему судьба, но не мог позволить причинить вред собственной дочери.

Обернувшись, Магнус увидел Гизалу. Она сидела на том же месте, где и ранее, неподвижная среди травы и вечерней тишины. На ней было светло-серое льняное платье, подчёркивавшее хрупкость фигуры, длинные пепельные волосы

рассыпались по плечам, а профиль оставался таким же безупречным, каким он помнил его много лет назад. За ухом прятался небольшой розовый цветок, такой же, как тот, что Магнус когда-то сорвал для неё на краю леса. Когда-то одного такого простого и скромного дара хватало, чтобы увидеть на её лице улыбку.

Магнус подошёл и опустился рядом, прислонившись спиной к холодному валуну. Внезапный порыв ветра взметнул её волосы, и на короткое мгновение перед ним вновь оказалась та женщина, которую он когда-то любил до боли. Её красота для него по-прежнему оставалась завораживающей, и сердце предательски дрогнуло, напоминая ему, что перед ним не враг и не чужая женщина, а та, ради которой он когда-то был готов идти против самого рока.

Он всё ещё любил...

ГЛАВА 2. Волк в овечьей шкуре

— Гизала, — сухо процедил он, глядя вдаль. — Нам нужно поговорить.

Губы Гизалы растянулись в горькой усмешке. До неё наконец дошло, насколько сильно всё изменилось в их отношениях. Где-то глубоко в душе она давно понимала причину, но до последнего отказывалась принимать собственные догадки всерьёз. Она посмотрела на Магнуса, вспоминая те счастливые дни, когда между ними ещё не было постоянных ссор и боли, от которой теперь так часто ныло сердце. Ко-

гда-то она мечтала быть услышанной, хотела, чтобы муж наконец понял её чувства и хотя бы раз позволил ей свободно дышать рядом с ним.

Шумно вздохнув, Гизала качнула головой и прикрыла влажные глаза. Для себя она уже всё решила. Зачем продолжать этот разговор, если он лишь вновь берedit старые раны? Она слишком хорошо знала, чем всё закончится. Стоит ей заговорить, и снова виноватой окажется она, снова станет врагом для всех. Гизала поднялась, гордо вскинула подбородок и сделала первый шаг, но в ту же секунду её запястье обожгло прикосновение.

Она обернулась, поймав внимание мужа. Однако внутри не дрогнуло ничего. Словно та женщина, которая когда-то замирала от одного его взгляда, умерла много лет назад — вместе с их первой дочерью.

— Отпусти мою руку, Магнус, — сухо обронила Гизала, выдёргивая запястье. Голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — Нам не о чем с тобой говорить.

Мужчина нахмурился, ему не нравилось её поведение, не нравилось и то, как она вновь пыталась отгородиться от него молчанием, словно между ними не было ни прожитых лет, ни общей постели, ни ребёнка, который теперь спал под их крышей. Он видел, куда тянет её эта горечь, видел, как она вновь рвётся окунуться в ту жизнь и в ту грязь, что уже однажды затащила их семью и едва не погубила их обоих.

— Нет.

Всего одно слово, но в нём была вся тяжесть принятого им решения. Его тяжёлый взгляд придавил её сильнее любой руки, и Гизала не выдержала, медленно опустилась обратно и стиснула зубы от бушующей злобы. Холодная поверхность валуна обожгла спину, и она вздрогнула, однако продолжала смотреть ему в глаза.

Молчание снова растянулось между ними, пока над лесом медленно угасал день. Двое когда-то влюблённых сидели рядом, наблюдая, как последние лучи солнца уходят за горизонт, окрашивая далёкие скалы и верхушки деревьев в тусклое золото. Где-то за лесом кричала птица, ветер шевелил траву, а издалека доносился приглушённый шум человеческих голосов, но здесь, у холодного валуна, весь мир отступал, оставляя только их двоих и ту пустоту, что поселилась между ними.

Гизала не спешила нарушить паузу, пока Магнус разжигал огонь. Она позволила солнцу окончательно скрыться за линией горизонта, наблюдая, как вечер медленно забирает последние краски у неба, и только тогда её голос прорезал тишину:

— Ты сегодня не в духе, — произнесла она с явным презрением, изгибая тонкую бровь. — Ответь на один вопрос.

Магнус лишь качнул головой, продолжая смотреть туда, где над тёмными деревьями взлетел ворон в небо.

— Почему ты отдалился от меня? — тихо, но настойчиво спросила она. — Разве я заслужила этого?

Мужчина замер. Секунды тянулись, пока он пытался осмыслить слова жены. Она... обвинила его?

В груди неприятно заныло, и он отстранился, словно боялся даже лёгкого прикосновения. Рука Гизалы, уже почти коснувшаяся его щеки, замерла в нескольких дюймах от лица и медленно опустилась. Когда-то от одного её прикосновения он забывал обо всём на свете, а теперь не мог позволить ей даже коснуться его лица.

— Даже сейчас ты смотришь на меня так, точно я тебе противна, — прошептала Гизала, и голос предательски дрогнул. — Почему ты больше не можешь любить меня?

Магнус часто пытался понять, что такое любовь, но каждый раз вместо ответа перед глазами всплывали обрывки прошлого. Смех у очага, тёплые пальцы, вплетённые в его волосы, тихие разговоры в ночи, когда им казалось, что весь мир принадлежит только им двоим. Когда-то он верил, что именно из таких мгновений и складывается любовь, что она похожа на огонь в очаге, который нужно лишь поддерживать, подбрасывая хворост, чтобы он не погас. Но теперь, глядя на женщину рядом с собой, он не чувствовал прежнего тепла и не понимал, в какой момент тот огонь превратился в тлеющие угли, под которыми осталась одна горечь.

— Гизала, — произнёс Магнус.

Его рука медленно коснулась её щеки, и на мгновение он замер, давая ей возможность отстраниться, но она осталась на месте. Магнус наклонился ближе, его взгляд на короткий

миг задержался на её губах, а тёплое дыхание коснулось её лица. Ещё мгновение, и его губы осторожно встретились с её губами.

Поцелуй был тихим, почти робким, лишённым прежней жадности, но оттого ещё более болезненным, словно Магнус в последний раз пытался отыскать в этом прикосновении того человека, которым когда-то был рядом с ней. На краткий миг они снова стали теми юными, безрассудно влюблёнными людьми, которые верили, что их счастье не имеет конца, что впереди у них ещё целая жизнь и никакая беда не сможет отнять её у них. Магнус хотел раствориться в этом мгновении, запомнить тепло её губ, снова почувствовать рядом ту женщину, ради которой когда-то был готов оставить за спиной весь мир, но боль не отпускала его, поднимаясь из глубины и разрывая всё, что ещё связывало их.

Он отстранился первым.

— Запомни этот поцелуй, — холодно сказал он, коснувшись её подбородка и медленно проведя большим пальцем по алым губам. — Он был последним.

Гизала несколько мгновений молча смотрела на него, не в силах осознать услышанное. Последние слова никак не желали сочетаться с тем, что произошло всего несколько мгновений назад. Она всё ещё ощущала тепло его губ, всё ещё чувствовала на щеке прикосновение его руки, и от этого сказанное казалось не просто невозможным — почти жестоким.

— Последним... — тихо повторила она, будто надеялась,

что, произнеся это слово вслух, поймёт его иначе.

Магнус кивнул.

— Снова... — выдохнула она, отрешаясь от мыслей. — Ты снова отталкиваешь меня!

Её пальцы судорожно сжали подол платья.

— Почему? Почему ты не позволяешь мне быть в твоём сердце? Разве я не заслужила хотя бы каплю тепла? Или всё, что мне остаётся, это твоя грубость?

Голос дрожал, но в нём звучала упрямая, почти отчаянная решимость, будто вместе с этими словами она ещё пыталась удержать то, что давно ускользало от неё.

— Гизала... — Магнус устало выдохнул. — Я не хотел причинить тебе боль. Наверное, я просто хотел, чтобы ты почувствовала то же, что чувствую я.

Он посмотрел в сторону.

— Ту боль, которую ношу в себе и которую слишком долго скрывал от тебя.

— Какую боль ты можешь испытывать?! — взорвалась Гизала. — Какую боль ты носишь в себе?

— Такую же, как и ты, Гизала, — спокойно ответил Магнус, лишь слегка пожав плечами, и это разозлило её ещё сильнее.

— Такую же, как и я? — выплюнула она, не веря собственным ушам. — Мне напомнить? Напомнить, что это ты забыл нашу дочь?

Она наклонилась вперёд, медленно сокращая расстояние

между ними. Пальцы дрогнули, но она тут же сжала их, удерживая себя от нового прикосновения. Взгляд её потемнел, а голос, когда она заговорила, заметно дрогнул.

— Вот смотрю я на тебя и не могу понять одного: как ты мог забыть о нашем ребёнке? — Гизала покачала головой, понизив голос. — Нет, Магнус. Как ты можешь сейчас говорить мне, что у тебя болит сердце? Разве ты не понимаешь, насколько это эгоистично? Ты говоришь о своей боли, но забываешь о том, что я — единственная в нашей семье, кто всё ещё помнит нашу маленькую Бриде. Я одна продолжаю по ней скучать.

— А почему это я должен скучать по ней? — хмыкнул мужчина.

На несколько мгновений Гизала застыла, не веря собственным ушам. Она смотрела на мужа, пытаясь найти в его лице хоть тень сожаления, хоть что-нибудь, что могло бы опровергнуть услышанное. Но Магнус молчал, и от этого его слова казались ещё отвратительнее.

— Ты чудовище, — прошептала она. — Бесчувственное и пустое. Ты просто кусок дерьма.

— Гизала... но разве ты не такая же?

Ярость ослепила её. Гизала бросилась на него, ударила по груди, потом по плечу, по рукам, которыми он пытался закрыться, а затем с такой силой хлестнула ладонью по лицу, что заболела собственная кисть.

— Ненавижу тебя! — вырвалось у неё.

Она ударила снова и снова. Дыхание сбилось, волосы рассыпались по лицу, но Гизала не замечала ни боли в руке, ни того, как дрожат пальцы. Пять лет она молчала, глотала слова, отворачивалась от воспоминаний, которые возвращались каждую ночь.

— Прекрати!

Он перехватил её за запястья и сжал пальцы сильнее, не позволяя вырваться. Мышцы на его руках напряглись, дыхание стало тяжёлым. Грудь резко поднималась и опускалась, а когда Магнус заговорил, голос сорвался на хрип.

— Хватит. Ещё один удар — и я не ручаюсь за то, что с тобой будет.

Отсчитывая вдохи и выдохи, он всё так же смотрел на дёргающуюся Гизалу. Она пыталась вырваться, но Магнус сильнее сжал пальцы на её запястье, понимая, что наверняка оставит синяки, однако разжать их уже не мог. Боль внутри была слишком сильной, и эта боль теперь требовала выхода. Он всматривался в её лицо, пытаясь разглядеть ту женщину, что когда-то пленила его сердце своей добротой, но перед ним была лишь озлобленная, измученная женщина, в которой почти невозможно было узнать ту Гизалу из его воспоминаний.

Где она, та Гизала, которую он любил? Или, может быть, её никогда и не существовало, а всё, что он так бережно хранил в памяти, было лишь обманом, сотканным его собственной любовью?

Сильнее сжав пальцы, Магнус дёрнул Гизалу на себя. Она потеряла равновесие и повалилась на него, успев выставить свободную руку. Ладонь упёрлась ему в грудь, пальцы сжались на ткани рубахи. Несколько мгновений они так и замерли, глядя друг на друга.

— Ты хочешь знать, как это возможно? — произнёс он, тихо смеясь. — Тогда слушай эту уродливую правду, которую ты так жаждала услышать, дорогая.

Магнус на мгновение умолк, не сводя с неё тяжёлого взгляда. Пальцы всё сильнее сжимались на её запястье, пока Гизала от боли ёрзала на месте.

— Когда Брида умерла, я места себе не находил. Я страдал ровно так же, как и ты, потому что Брида ведь была моей плотью? — он выгнул бровь, и в его голосе прозвучала горькая насмешка.

Гизала резко толкнула его в грудь, вырываясь из хватки. Пыхтя, она стала растирать руку, по-звериному глядя на него.

— Моя дочь, — медленно произнёс Магнус, подлая усмешка расползлась по его губам.

— Твоя, — фыркнула она, поправляя платье. — Поэтому ты и обязан помнить о ней.

— О нет, — протянул Магнус. — Я обязан помнить лишь о том, что однажды доверился тебе. Я доверял женщине, которая годами мне лгала, женщине, что разрушила мою жизнь!

Магнус подался вперёд, схватил Гизалу за грудки и притянул к себе, не позволяя ей отстраниться. Голос его стал тише, но от этого в нём слышалась ещё большая угроза.

— Ты лгунья, Гизала.

Грубыми пальцами он коснулся её лица и медленно заправил выбившуюся прядь за ухо. На губах появилась широкая улыбка. Он приблизился почти вплотную и тихо прошептал ей на ухо:

— Лгунья.

Гизала застыла от ужаса.

— Лгунья, каких ещё поискать. Красивая, нежная, желанная... и всё равно лгунья.

— Хватит, — рявкнула она, с трудом удерживая ярость с накаТЫВАЮЩИМся ВОЖДЕЛЕНИЕМ.

Гизала нашла в себе силы оттолкнуть Магнуса. Он ударился спиной о валун, но лишь рассмеялся, громко и безрадостно, пока женщина отползала от него, стараясь увеличить расстояние.

— Ты зашёл слишком далеко. Прежде чем сказать хоть слово, подумай, какую цену готов за него заплатить, — она указала на него пальцем, качая головой. — Не смей обвинять меня без доказательств. Не смей, слышишь? Иначе боги разгневаются.

Спокойное лицо Магнуса пугало Гизалу, впрочем, теперь оно пугало и самого мужчину. Он шумно выдохнул, ощущая жар, разливавшийся по телу, и холодный пот на лбу. Кажет-

ся, он и сам только сейчас понял, насколько далеко зашёл, но отступить было уже некуда. Слишком много лет Магнус молчал, слишком долго носил эту правду в себе, прощая женщину, которая даже не знала о его прощении.

— А ты уверена, что гнев богов обойдёт тебя стороной? — тихо спросил он. — Уверена, что выйдешь из этого невредимой?

— Закрой свой рот, Магнус!

Он усмехнулся, кривя губы в отвращении.

— Ты боишься не моих слов, — мягко сказал он. — Ты боишься, что я назову это вслух.

Между ними повисла тишина, и в ней уже чувствовалось приближение приговора, который слишком долго ждал своего часа. Магнус смотрел прямо в зелёные глаза женщины, которую когда-то любил, которой однажды простил самое страшное предательство и ради которой пять лет носил эту тайну в собственной груди. Теперь же ему оставалось только выпустить её наружу.

— Брида была не моей дочерью.

От таких слов у Гизалы резко перехватило дыхание. Она нервно провела ладонью по горлу, словно пыталась вернуть себе способность дышать и вместе с ней хоть какое-то подобие самообладания. С каждым редким, неровным вдохом она смотрела в глаза мужа и всё яснее видела в них презрение, от которого внутри разрасталась пустота. Что теперь ему говорить? Чем оправдываться, если она сама понимала,

что всё сказанное им — правда? Но одного она не могла понять: откуда Магнус узнал?

Пока Гизала терялась в догадках, Магнус ехидно усмехнулся, однако выдержки ему хватило ненадолго. Он запрокинул голову, прислонился спиной к валуну и громко рассмеялся, так горько, что этот смех больше походил на надломленный вой. Он смеялся, пока по щекам текли слёзы, и не пытался их скрыть. Пять лет. Пять долгих лет он носил в себе знание об измене жены, продолжал жить рядом с ней, любить её, растить ребёнка, который не был ему кровью, и делать вид, что прошлого больше не существует. Но больше всего оказалось, когда он наконец произнёс правду вслух прямо в глаза любимой.

— Ложь, — попыталась возразить Гизала. — Как и всегда.

— Я знал, что этот день настанет, — хрипло ответил он, позволяя слезам свободно стекать по щекам.

Гизала машинально кивнула, и Магнус хмыкнул. Жена сама того не желая только что подтвердила то, что он знал все эти годы, хотя всё ещё пыталась оттолкнуть от себя эту правду.

— Хорошо, мы поговорим, — наконец произнесла Гизала, выдержав его взгляд. Поправив волосы, она опустилась на колени и примяла ладонями траву под собой. — Но только потому, что ты этого хочешь.

Магнус глубоко вдохнул. Прохладный вечерний воздух наполнил лёгкие, остужая пылающую грудь. Сердце ухнуло

вниз, и вместе с этим пришло странное чувство, похожее на облегчение, точно камень, который пять лет лежал у него на груди, наконец начал сдвигаться с места.

— Ты помнишь нашу первую встречу?

В его голосе прозвучала тёплая, почти болезненная тоска, смешанная с сожалением о давно ушедших днях. Они оба помнили, что было тогда, и каждый из них предпочёл бы похоронить тёмную сторону прошлого глубоко в земле, однако среди той боли оставались мгновения настоящего счастья, и именно их они всё ещё не хотели отдавать забвению.

— Это был жаркий день в середине лета, — продолжил он, глядя на небо, где одна за другой проступали первые звёзды. — Мы с Сигурдом возвращались от озера и думали, что сейчас придём домой, отведаем матушкиного мяса с овощами, а потом завалимся спать. Но нет. Сигурд решил вытащить меня на ярмарку, а там народу было столько, что едва можно было протиснуться между лавками.

Магнус усмехнулся, но в этой улыбке уже не осталось прежней беззаботности.

— Два высоких беловолосых юноши, полные надежд и глупых мечтаний, шли по улицам Хедебю и ловили на себе десятки взглядов. Женщины смотрели на нас из-за нашей молодости и любопытства, мужчины — потому что знали Оддгейра. Ты ведь помнишь моего отца?

— Конечно. Кто его забудет?

— И то верно, — фыркнул Магнус, однако взгляд его на

мгновение потяжелел. — В тот день Сигурд хотел увидеть новые драккары Гуннара. Все только и говорили об их силе, о высоких бортах и крепких корпусах. Забавно, что уже тогда мы оба понимали, как далеко способны занести нас эти корабли и сколько боли однажды придётся оставить за кормой.

Магнус запнулся, словно наткнулся на невидимую границу между прошлым и настоящим. Он медленно повернул голову к костру, горевшему неподалёку, и на мгновение в пляшущих языках пламени ему вновь почудилась та ярмарка, шумная и солнечная, какой она навсегда осталась в его памяти.

— Мы шли к берегу, — продолжил он уже тише. — Толпа шумела, торговцы перекрикивали друг друга, звенели монеты, пахло горячим мясом, смолой и вроде ещё пряностями, а между лавками теснились люди со всех концов Дании.

Он замолчал на миг. Внимание мужчины застыло где-то вдали, а губы дрогнули, прежде чем он продолжил:

— И тут я увидел тебя. Ты стояла у лавки с украшениями, и всё вокруг для меня исчезло. Дело было даже не в твоей красоте... — он посмотрел ей прямо в глаза и широко улыбнулся. — Красота — слишком бедное слово для тебя. Ты выглядела так, словно сам мир на один удар сердца сбился с привычного ритма. Ты была моей богиней...

Гизала осторожно улыбнулась.

— Я помню тот день, — мягко сказала она, чуть прибли-

жившись к нему. — Ты посмотрел на меня так, что я сразу поняла: прежней жизни больше не будет. В тебе было что-то дикое, живое и настоящее. А когда ты улыбнулся, я поверила, что норны уже сплели наши судьбы и нам осталось лишь идти по той дороге, которую они нам оставили.

Слова прозвучали легко. Слишком легко. Но за этой лёгкостью пряталась усталость, рождённая многократным повторением одной и той же лжи, которую Гизала сама уже давно принимала за правду.

— Хватит, — устало перебил Магнус, отворачиваясь от жены. — Не надо. Мы оба знаем, что это неправда.

Гизала напряглась. Она протянула руку, ведь сильно хотела коснуться его, но в последний момент остановилась и опустила ладонь на колени.

— Я не понимаю, о чём ты, — ровно ответила она. — Я любила тебя.

Эти слова ударили сильнее пощёчины.

— Вот именно, — хрипло сказал он. — Любила.

Медленно проводя пальцами по щеке, Магнус стирал влагу, в которой теперь проступала вся боль, накопленная за долгие годы. Когда он впервые узнал о предательстве близких, он не плакал, не поднял руки на виновных и не потребовал крови, хотя любой другой мужчина на его месте мог бы схватиться за оружие и решить дело так, как решали подобные распри сыновья истинного севера. Он просто ушёл в лес, взял с собой топор и охотничий нож, где завалил пару

кабанов, а затем вернулся домой к жене и продолжил жить так, словно ничего не произошло. Он молчал, потому что любил её сильнее, чем собственную гордость, и потому что не хотел превращать свой дом в место кровной мести. Лишь спустя пять лет он позволил себе пролить слёзы, оплакать себя, свою семью и тех, кого когда-то называл любимыми.

— В тот день я впервые поверил, что боги послали мне знак и эта встреча была не случайностью, — Магнус тяжело выдохнул, всё так же глядя на потухающий огонь, в котором уже почти не осталось веток. — Я смотрел на тебя и думал, что вот она, женщина, ради которой стоит жить. Та, что станет матерью моих детей, ради которой я сверну горы и переплыву любое море. Ей я принесу сокровища, добытые за далёкими берегами и выкованные искусными руками кузнецов Свартальхейма, а золото станет её наградой, пока моё сердце будет её щитом.

Когда Магнус умолк, напрягая челюсть, Гизала тихо всхлипнула, но не произнесла ни слова. Пальцы мужчины медленно сжались в кулак, да так сильно, что костяшки побелели от напряжения.

— Я верил тебе.

Он покачал головой медленно, почти бессильно. Когда-то он пришёл к ней с открытым сердцем, теперь же сидел перед женщиной, которой отдал лучшие годы своей жизни, и понимал, что тот человек давно умер. Он хотел говорить о дочери, но разговор давно перестал быть только о ней.

— Знаешь, что было самым страшным? — тихо спросил Магнус. — Не болезнь и даже не сама смерть Бриды, а узнать, чьей дочерью она оказалась.

Его дыхание сбилось, но он заставил себя продолжить.

— Ты говоришь, что я забыл, — произнёс он, наблюдая, как жена меняется в лице. — Но это ты вычеркнула её из своей жизни. Ты спрятала боль так глубоко, что она начала гнить в тебе с каждым годом, а всё, что напоминало о ней и не умещалось рядом с этой гнилью, ты возненавидела.

Магнус медленно выдохнул и отвёл взгляд. Решение уже было принято, и дороги назад больше не осталось.

— Родив Далию, ты поняла, что она стала для тебя напоминанием обо всём, что ты хотела похоронить. О Бриде, о своей лжи, о том, что сделала со мной и с самой собой. Ты ведь никогда меня не любила, правда?

Гизала резко подняла голову и уже собиралась возразить, но Магнусу не нужны были её слова. Он слишком долго наблюдал за ней, чтобы теперь поверить в первое оправдание, которое она произнесёт.

— Ты не имеешь права.

— Имею, — спокойно перебил он. — Потому что я был рядом и видел, как ты отворачивалась и от меня, и от Далии. Видел, как ты смотрела на неё не как на дочь, а как на врага, словно в её лице сама судьба напоминала тебе о том, что ты пыталась скрыть.

Ветер пронёсся между ними, взметнув её пепельные во-

лосы. Розовый цветок за ухом дрогнул и едва не выпал, но Гизала даже не заметила этого.

— Ты не был рядом никогда! — вскипела она, выпаливая ему в лицо свою правду лишь потому, что его слова причиняли слишком сильную боль. — Тебя не было никогда!

— Зато был мой брат, не так ли? — колко парировал Магнус. — Тебе нравилось делить с ним ложе? Нравилось, когда он был в тебе, пока я уходил с оружием и проливал кровь за наш дом?

— Закрой свой рот! — проревела Гизала сквозь рыдания.

Она резко поднялась с земли и накинулась на Магнуса, ударяя его изо всех сил. Кулаки обрушивались на его плечи, грудь и лицо, Гизала кричала и рыдала, вкладывая в каждый удар всю ярость, стыд и боль, которые пять лет носила в себе. Магнус не стал её останавливать. Он лишь сжал челюсти и принимал удары, позволяя ей выплеснуть всё то, что они оба слишком долго держали за стенами молчания.

— Успокоилась? — спросил он, когда Гизала наконец осела рядом, дрожа всем телом и пытаясь отдышаться. — Если да, то я продолжу.

— Не смей, — сипло выдохнула она.

— Брида была дочерью моего брата, — всё же продолжил Магнус, безжалостно разрушая последние остатки её защиты. — Она была дочерью Сигурда.

После этих слов уже не оставалось места для прежней лжи. Гизала поняла, что Магнусу известно всё. Он знал, что

Брида была дочерью Сигурда, знал о тайных встречах, знал, как они делили ложе за его спиной, и знал о той любви между ними, которой никогда не должно было существовать. Знал и всё эти годы молчал.

— Мерзавец, — шептала она, сидя плечом к плечу с Магнусом. — Какой же ты мерзавец. Всё это время за дуру меня держал.

— Дорогая, ты ничем не лучше меня, — спокойно напомнил он. — Всё же это ты принимала Сигурда в своей постели. Я же был верен тебе всегда.

Гизала легонько ударила Магнуса в плечо и качнула головой, понимая, что теперь всё разрушено.

— Почему ты молчал, раз знал с самого начала?

Он нервно усмехнулся, покачивая головой, а затем на мгновение отвёл взгляд туда, где за тёмными деревьями прятался дом его давнего друга.

— Молчал ради тебя и ради нашего ребёнка. Я был готов простить тебе всё, даже измену, — он тяжело выдохнул, — но не то, что ты делаешь с нашей дочерью.

Его голос дрогнул лишь на мгновение, но Магнус быстро подавил слабость, сжав челюсть.

— Ты решила отыгаться на Далии. На ребёнке, который не виноват ни в твоей боли, ни в твоих ошибках.

Гизала сглотнула, губы дрожали, но она всё ещё держалась, цепляясь за остатки гордости и прежнюю защиту, хотя теперь уже нечем было прикрыть то, что столько лет прятала.

лось между ними.

— Ты ничего не понимаешь, — прошептала она. — Ты не знаешь, через что я прошла.

— Знаю, — отрезал Магнус. — Я просто больше не готов платить за это жизнью своего ребёнка.

Несколько мгновений Магнус просто смотрел на неё. Перед ним сидела женщина, с которой ещё вчера он делил кров, постель и тайны, а сегодня уже не знал, можно ли повернуться к ней спиной. Ветер прошёлся по траве, принёс из леса запах хвои. Где-то далеко, за тёмными кронами, протяжно крикнула ночная птица.

— Я любила тебя... — сказала Гизала, глядя на мужа. — Правда любила, но... Сигурд...

— Его ты любила сильнее, — холодно произнёс Магнус. Он медленно поднялся, отряхнул с колен прилипшие травинки и только после этого посмотрел на жену сверху вниз. В его глазах не осталось прежней ярости, лишь усталость от вечной лжи любимого человека.

— Но он никогда не дал бы тебе той жизни, которую дал я. Ты сама знаешь, что он собой представлял. Пьяница, завистник, бабник... От одного его вида меня воротило. И ты могла променять на него меня? — Магнус криво усмехнулся. — Ты осталась со мной, потому что знала, что рядом с ним тебя ждала бы совсем другая жизнь.

Магнус помолчал, всматриваясь в её лицо. Взгляд скользнул по её чертам, задержался на глазах, и только после этого

он продолжил:

— Я построил для тебя дом, дал тебе своё имя, своё ложе, свою защиту и верность, а ты всё это время спала с человеком, которого любила, пока я был для тебя лишь тем, за кого пришлось выйти замуж, потому что так было выгодно твоей семье.

Магнус сделал шаг вперёд, и холод прошёл по её спине. Она смотрела на него, а лицо мужа оставалось каменным, лишённым прежнего тепла. Ни один мускул не дрогнул, ни одна тень не пробежала по суровым чертам. Слёзы стекали по её розовым щекам, но Магнус больше не пытался их вытереть, как было всегда, когда Гизале было больно.

— Мой брат умер на моих руках, — хрипло сказал Магнус. — А сегодня умерла и ты.

Гизала в ужасе распахнула глаза, резко поднялась, но, словно лишившись последней опоры, рухнула на колени и робко коснулась ладони мужа. Тело дрожало, плечи сжимались, дыхание становилось рваным. Она знала, на что способен Магнус. Убить её для него было бы проще, чем перерезать горло невинному кабану, и никто не посмел бы потребовать с него ответа. Вигго был его давним другом и конунгом Хедебю, а за спиной Магнуса стояла его слава воина, его род и люди, которые скорее поднимали бы оружие за него, чем стали бы судить за кровь собственной жены.

— Магнус, пожалуйста, выслушай...

— Не стоит оправдываться, — грубо сказал Магнус и от-

ступил на шаг.

Солнце давно скрылось за горизонтом, унеся с собой последние остатки тепла. Над землёй сгустились сумерки, а прохладный ветер шевелил траву и касался его лица, стирая слезу, которую Магнус сам не заметил. Он чувствовал себя преданным и вместе с тем странно свободным.

— Эти слова я повторю лишь раз, — выдохнул он, бросив суровый взгляд. — Мне жаль, что Брида умерла. Жаль, что она не успела вырасти и узнать любовь своей матери и отца. И мне жаль, что наша семья разрушена.

Он сделал шаг вперёд, нависая над ней. Плечи напряглись, руки сжались в кулаки, а на шее выступили вены от сдерживаемого гнева.

— Но если я ещё раз увижу, как ты издеваешься над моей дочерью, я больше не стану смотреть на то, что ты её мать, — голос Магнуса звучал глухо и жёстко. — Ты должна любить её и заботиться о ней. Она не виновата ни в твоей боли, ни в смерти Бриды, ни в том, что случилось между нами. И если ты снова поднимешь на неё руку...

Магнус наклонился к жене и резко стиснул пальцами её подбородок, запрокидывая голову. Ногти впились в кожу, не оставляя ей возможности отвернуться или высвободиться. Он удерживал её так близко, что между их лицами оставалось всего несколько пальцев.

— Я убью тебя.

ГЛАВА 3. Шёпот Нидхёгга

Восход всегда кажется обещающим.

Он обманывает своим мягким светом, теплом первых лучей и той тишиной, в которой ещё не случилось ничего дурного. Но каждый рассвет скрывает в себе один и тот же вопрос: что принесёт новый день — радость или печаль, рождение или утрату, спасение или беду, свет или то, что прячется за ним?

— Папа, — прошептала Далия ему на ухо.

Магнус как раз наклонился к очагу, поправляя поленья, чтобы разжечь огонь, совсем скоро Гизала должна была приниматься за готовку, а без жара очага в доме долго не продержится тепло.

— Папа, — повторила девочка, тыча его пальцем в бок.

— Что такое? — отец повернулся к ней, всматриваясь в глаза своей дочери.

Далия за последнее время заметно подросла, и Магнус всё чаще ловил себя на мысли, как быстро промчались годы. Казалось, ещё совсем недавно он носил её на руках, вытирал слюни, менял пелёнки и укачивал по ночам, а теперь она уже сама ходила по дому, вмешивалась в разговоры взрослых и требовала, чтобы к её словам прислушивались. И всё же для него она оставалась той же беззаботной девочкой, которой хотелось бегать по траве, смеяться и всюду совать свой маленький нос. Магнус видел, как с каждым годом она становилась самостоятельнее, и оттого лишь сильнее чувствовал

свой долг защищать её от мира, где опасность могла прийти не только с клинком в руке.

Вытянув руку, он заправил светлый локон ей за ухо и широко улыбнулся. Далия замялась, нервно перебирая маленькими пальцами, пока смотрела на отца.

— Ты что-то хотела?

Далия кивнула.

— Да. Мы сегодня ходим к дядюшке Вигго?

Магнус нахмурился. Ему не нравилось, как сильно дочь тянуло в чертог конунга, но запретить ей играть там он не мог. Вигго любил девочку и не раз позволял ей вертеться среди своих сыновей и воинов, пока те занимались своими делами.

— Он обещал, что подарит мне свой нож, — добавила Далия с такой уверенностью, словно подарок уже лежал у неё в руках.

— Ты ещё мала для него, — заявил Магнус.

Девочка нахмурила брови, такой ответ её совершенно не устраивал. Нож конунга давно не давал ей покоя, ведь она уже не раз пыталась стащить его вместе со старшим сыном Вигго, а сам конунг вместо того, чтобы сердиться, лишь посмеивался над детскими проделками и однажды даже пообещал подарить ей его, когда она станет старше.

— Дагейд! — позвал Магнус, оглядываясь. — Дагейд! Принеси гребень, я заплету Далии волосы.

Спустя немного времени Дагейд принесла всё необходи-

мое, и Магнус усадил дочь перед собой, осторожно проводя гребнем по её растрёпанным волосам. Он разделял их пальцами, собирая в пряди, и одну за другой заплетал в косы, пока мысли сами собой возвращались к собственной жизни.

С годами Магнус всё отчётливее замечал в дочери свои черты. На Гизалу Далия была похожа мало, зато в выражении лица, в упрямом изгибе губ и даже в том, как она смотрела на людей, он видел себя. Но иногда поздним вечером, когда Далия уже спала, а Магнус заходил проверить, укрыта ли она, в её лице ему чудились черты покойного Оддгейра. Тогда он задерживал взгляд дольше обычного, а потом заставлял себя отвернуться. Он любил отца и всю жизнь носил к нему благодарность вперемешку с горечью, но не хотел, чтобы его дочь была похожа на отца.

Для Магнуса его малышка была самой красивой девочкой на свете. Круглое детское лицо, маленький изящный нос, который она всякий раз совала в разговоры взрослых, чтобы узнать какую-нибудь тайну и потом непременно пересказать её, забавляли его до смеха. Стоило кому-нибудь поддразнить её, как Далия морщила нос, всем видом показывая своё недовольство, а Магнус касался его пальцем, примиряя маленького разбойника, готового перевернуть весь дом вверх дном.

Вновь вплетая в косу ленту, Магнус заметил, как удивительно быстро отросли волосы дочери. Ещё недавно ему казалось, что они едва доходят до плеч, а теперь белоснежные

пряди уже спускались почти до пояса. Он качнул головой, удивляясь тому, как быстро растёт его ребёнок, и на мгновение ощутил знакомую отцовскую тревогу. Ему хотелось задержать это время, пока Далия ещё могла беззаботно смеяться, бегать за ним по траве и просить поднять её на руки.

— Ну всё, — заявил мужчина, опуская последнюю прядь.

Далия тут же встала с лавки, схватилась за кончики кос и принялась вертеть их в руках, пытаясь рассмотреть, что же отец сотворил с её волосами.

— Нравится?

— Хм, — протянула она, лукаво посмотрев на него. — Неплохо, пап. Могло быть и лучше, но ты старался.

Магнус рассмеялся. Что-что, а плести косы он действительно не умел красиво, и обычно этим занималась Дагейд, которая теперь помогала Гизале готовить утреннюю еду.

Он посмотрел в сторону очага и на мгновение прикусил губу. Когда-то он помогал Гизале по дому, мог сам принести воду, наколоть дров или заняться готовкой, если видел, что жена устала. Теперь же он старался лишний раз не смотреть на неё. Прошло уже немало лет с той ссоры, после которой между ними выросла невидимая стена, но Магнус всё ещё помнил, что Гизала делала с их дочерью.

Повернувшись к дочери, он обхватил ладонями её пухлые щёки и рассмеялся, когда Далия тут же стала кривляться и высунула язык. Магнус смотрел в её разные глаза, о которых уже говорили не только в Хедебю, но и в других поселениях,

куда доходили слухи о необычной дочери кузнеца и воина.

Одни называли её глаза благословением богов, другие — дурным знаком, а кто-то шептал, что ребёнок с таким взглядом отмечен самой судьбой. Те, кто верил в проклятие, старались обходить Далию стороной и запрещали своим детям играть с ней. Никто не говорил этого открыто Магнусу: его уважали, помнили его силу и знали, что он не позволит оскорбить дочь. Но шёпот всё равно полз по Хедебю, как дым от очагов, и Магнус прекрасно его слышал. Люди боялись того, чего не понимали, а с человеческим страхом порой труднее справиться, чем с любым врагом.

Но Магнус любил её глаза. Правый, глубокий синий, напоминал ему северное холодное и опасное море перед бурей, но такое прекрасное. Таких морей он повидал множество, и каждый раз море заставляло его помнить, насколько мала человеческая жизнь перед стихией. Левый глаз был другого цвета — серого, мёртвого, похожего на пепел в давно потухшем костре. В нём редко отражался свет, и порой Магнус сам пугался, когда Далия долго смотрела на него. Ему мерещилось, что за этим скрывается что-то, чего он пока не способен понять, что-то связанное с той судьбой, о которой когда-то говорила вёльва.

Он всякий раз отводил взгляд первым, словно мог этим движением оттолкнуть то, что ждало впереди. Но судьбу не обманешь, если норны уже вплели её нить в ткань человеческой жизни.

— Ну что, маленький воин, ты готова? — задорно спросил Магнус, входя в комнату дочери. Далия сидела на кровати, накинув на голову покрывало, и тихо всхлипывала.

Мужчина мгновенно посерьёзnel. Ещё недавно дочь сияла от радости, просилась вместе с ним в чертог Вигго, а после заплетённых кос убежала собираться, желая выбрать самое красивое платье, чтобы все увидели, какая она нарядная. Теперь же перед ним сидела девочка, спрятавшая лицо под покрывалом, словно оно могло защитить её от всего мира.

Магнус шагнул ближе и опустился перед ней на корточки. Не торопясь, он протянул руку и осторожно стянул покрывало с её головы. Как он и предполагал, глаза Далии были красными от слёз, а влажные дорожки блестели на щеках. Шершавыми, огрубевшими от работы пальцами он бережно стёр их одну за другой и ласково улыбнулся дочери.

— Почему моя маленькая воительница плачет? Кто тебя обидел?

В ответ раздался лишь тихий всхлип.

— Скажи папе, кто виновен, и папа накажет его.

— Я... я... — всхлипнула она, растирая глаза ладонями.
— Я боюсь.

— Чего же ты боишься?

Магнус почти сразу понял, насколько глупым был этот вопрос. Он знал, чего боялась его дочь. Знал, потому что однажды уже видел этот страх в её глазах.

Несколько месяцев назад они были в Хедебю. Магнус раз-

говаривал с Вигго, пока Далия вместе с Виггаром, старшим сыном конунга, убежала немного дальше от торговых рядов. Там их и заметили мальчишки из приезжих семей. Они стали бросать в Далию камни, выкрикивая вслед обидные слова.

Тогда Магнус впервые показал своё настоящее лицо. Он не стеснялся ни в словах, ни в угрозах, но на детей руку поднимать не стал. Вместо этого он дождался их родителей и потребовал ответа за то, что произошло с его дочерью. Те прибыли в Хедебю из ближайшей деревни на торговлю скотом и, как и многие до них, успели наговорить лишнего о проклятой девочке с разными глазами. Взрослые часто забывали, что их разговоры слышат дети, а дети редко понимают, где заканчиваются чужие суеверия и начинаются собственные поступки.

Что именно произошло между мальчишками, Далией и Виггаром, никто толком не знал. Известно было лишь одно: в девочку полетели камни, а вслед за ними прозвучало одно и то же:

— Это она.

Для Магнуса этих слов оказалось достаточно. Он видел синяки на теле дочери и кровь на разбитой губе, видел, как она, ещё недавно смеявшаяся, теперь вздрагивала от каждого голоса за спиной, и тогда он потребовал возмездия. Даже Вигго встал на его сторону. Конунг не позволил чужакам оскорблять и избивать ребёнка под своей властью, тем более в Хедебю, где его слово имело вес. Он велел родителям

мальчишек заплатить за кровь и увечья девочки серебром, а самих виновников наказать так, чтобы другим детям надолго отбило охоту поднимать руку на чужое дитя.

— Они тебя больше не обижают, — тихо сказал Магнус. — Никто больше не посмеет тебя тронуть.

Заклучив дочь в объятия, он погладил её по голове, успокаивая, как делал всегда. Далия ведь уже не впервые прибегала домой в слезах. Многие дети боялись и старались держаться подальше, а всему виной были разговоры взрослых, которые девочка слышала куда чаще, чем им казалось. Магнус ходил к родителям, говорил с ними, предупреждал, просил следить за своими языками, но в ответ слышал лишь оправдания. Они разводили руками, уверяя, что их дети ни при чём, что сами ничего такого им не говорили.

Последним стало нападение, после него люди наконец притихли: сплетни и грязные разговоры стихли, а те, кто прежде с опаской косился на Далию, теперь предпочитали вовсе не встречаться взглядом с Магнусом. Только детский страх так легко не унять. Ребята по-прежнему держались от неё в стороне, и Далии было от этого особенно горько. Она ведь была обычным ребёнком, которому хотелось бегать по траве, играть, смеяться вместе с другими и возвращаться домой с разбитыми коленями, а не со слезами на щеках.

Когда-то рядом с ней оставался Виггар, и его присутствие хоть немного примиряло Далию с одиночеством. Но и он в последнее время начал отдаляться, всё чаще уходя играть с

другими детьми и оставляя её одну.

В город они вошли в самый разгар веселья. Магнус совсем забыл, что сегодня в Хедебю ярмарочный день: с улиц доносились озорной смех, гул голосов, крики торговцев и звон небольших колокольчиков, которыми зазывали покупателей. На площади и прилегающих улицах народу было столько, что порой приходилось протискиваться между телегами и лавками. Сюда съезжались люди из окрестных поселений, привозя скот, меха, шерсть, ткани, железные изделия, украшения и заморские товары, прибывшие с купцами из далёких земель. Одни приходили торговать, другие — смотреть на диковинки и тратить серебро, а третьи просто искали повод выпить эля да повеселиться.

Далия шагала рядом, крепко держась за руку отца. Она уже перестала плакать и почти не вспоминала о недавней обиде. Такой уж была его дочь — упрямая, строптивая и по-своему храбрая. Но порой даже её буйного нрава не хватало, чтобы спрятать то, что творилось в маленьком живом сердце. Она всё ещё оставалась ребёнком, которому хотелось иметь друзей, бегать вместе с другими детьми и знать, что где-то её ждут помимо родного дома.

— Папа, давай сегодня не пойдём к дядюшке Вигго, — сказала девочка, оглядывая площадь, где кипело веселье.

Вигго она любила, но ярмарку ещё сильнее. Да и конунг наверняка не станет сердиться, если Магнус с дочерью про-

ведут этот день среди торговых рядов.

Далия вертела головой по сторонам, стараясь рассмотреть всё сразу. Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев, под которыми тянулись торговые ряды, и золотыми пятнами ложилось на землю. Ветер приносил запахи жареного мяса, свежего хлеба, эля, сена, дублёных шкур и пряностей, привезённых купцами из дальних земель. Для Далии каждый запах казался частью какого-то огромного чуда, которое сегодня развернулось перед ней посреди Хедебю.

— Нравится? — спросил Магнус, заметив, как она замерла возле одной из лавок.

Далия энергично закивала и вдруг звонко вскрикнула от восторга. Магнус тут же подхватил её и посадил себе на плечи. Девочка расхохоталась, обхватила его голову руками и запустила пальцы в густые волосы. Он крепко придерживал её за ноги, прокладывая путь сквозь толпу, а она то и дело скидывала руки и что-то восторженно выкрикивала ему на ухо.

— Тише ты, — проворчал Магнус, но улыбка всё равно разбежалась по его лицу.

— Магнус! — закричала Далия, размахивая рукой в сторону навеса. — Туда! Папа, туда! Пошли, пошли!

Она ёрзала у него на плечах, стараясь показать дорогу, и едва не подпрыгивала от нетерпения.

— Папа, не будь таким занудой, пошли посмотрим!

— Это кто ещё зануда? — расхохотался Магнус, щекоча

её за бок. — Куда хоть идти-то?

— Туда! — снова указала она на лавку.

— Ладно. Только обещай, что не станешь убегать.

— Обещаю!

Через несколько шагов Магнус подошёл к лавке и осторожно снял дочь с плеч. Далия тут же привстала на носочки, опираясь ладонями о край прилавка, чтобы лучше рассмотреть разложенные перед ней вещи. Маленькие пальцы осторожно касались то одной, то другой безделушки, словно каждая могла исчезнуть, стоило лишь моргнуть.

Магнус тем временем поздоровался с торговцем и пожал ему руку. Лавка стояла неподалёку от главного чертога конунга, под широким навесом, защищавшим товары от солнца. Пока Магнус рассматривал товары и разговаривал с хозяином лавки, Далия крутилась рядом, словно маленький озорной жук. То тянулась к прилавку, то забегала за ноги отца, то снова возвращалась к понравившимся вещицам. Магнус лишь поглядывал на неё поверх плеча, всякий раз убеждаясь, что дочь по-прежнему рядом.

— Твоя дочь? — усмехнулся торговец.

— Да, — ответил Магнус с улыбкой.

Далия, заметив пристальный взгляд бородатого мужчины, тут же спряталась за ногу отца и выглянула исподлобья.

— У меня тоже дочь есть, — сказал торговец, с улыбкой поглядывая на девочку. — И не одна. Правда, они уже постарше твоей. Вот распродам весь товар, что привёз с собой,

и поверну обратно домой.

Магнус понимающе кивнул и снова перевёл взгляд на прилавок. Среди множества вещей лежали небольшие зеркала с серебряной оправой, украшенной завитками и узором в виде листьев, браслеты, подвески и застёжки. Мелкий узор покрывал металл от края до края, линии переплетались так плотно, что Магнус невольно провёл пальцами по одному из изделий, ощущая под подушечками каждый изгиб и углубление.

Особенно его внимание привлекли серьги. Серебряные, с вытянутой формой и изящными завитками, они были украшены крупными алыми камнями. Ниже свисали небольшие подвески, на которых краснели камешки поменьше, вспыхивая на солнце при каждом движении.

— Откуда привёз? — спросил Магнус, откладывая серебряную фибулу.

— О-о-о... — протянул торговец, довольно улыбнувшись.
— Из Франкии.

— Франкия. — Магнус задумчиво покачал головой. — Мастера у них искусные. Я возьму эти серьги и вот тот кулон.

Он указал на подвеску из тёмного камня. Протянув торговцу серебро и забрав украшения, Магнус на мгновение задержал их в ладони, словно уже представлял, как они окажутся у тех, кому предназначены.

А затем, подняв голову, Магнус медленно оглянулся сначала в одну сторону, потом в другую, задерживая взгляд на

лицах и фигурах, мелькавших в толпе. После и вовсе обернулся, всматриваясь вдаль, надеясь заметить знакомую белокурую макушку. Но Далии нигде не было видно.

ГЛАВА 4. Глаза моря

Пока Магнус выбирал украшения для Гизалы и дочери, Далия незаметно ускользнула из поля его зрения. Девочка была проворной и самоуверенной, а ярмарочный день в Хедебю казался ей целым миром, который хотелось рассмотреть от края до края. Магнус никогда не отпускал её одну, ведь он знал, как легко ребёнку затеряться среди людской толпы, торговых рядов и приезжих купцов, а ещё хорошо помнил, что сюда приходят не только честные люди. Сколько бы он ни пугал Далию рассказами о работоторговцах, которые хватают непослушных детей и увозят их за море, страх перед ними действовал недолго. Стоило отцу отвернуться, и её любопытство вновь брало верх.

Девочка мчалась по узким проходам между деревянными домами, ловко огибая взрослых и перепрыгивая через выбоины в утоптанной земле. Белоснежные косички рассыпались по спине и взлетали при каждом шаге. Из распахнутых дверей доносился запах дыма и тушёного мяса, с пристани тянуло солёной водой и дёгтем, а между домами ветер разносил крики торговцев и смех людей. Далия ловила взглядом всё подряд: резные рукояти ножей, яркие ткани, стеклянные бусины, связки сушёных трав и чужеземные вещи, названия

которых она ещё не знала.

Свернув за угол чертога, она поднялась по пологому склону и остановилась возле амбара, стоявшего чуть выше остальных построек. Отсюда Хедебю открывался перед ней шире, у берега теснились суда, над которыми хлопали на ветру паруса, а вдали тянулась синяя полоса. Крики чаек смешивались с гулом пристани, и всё это казалось Далии каким-то огромным живым существом, которое дышало вместе с родным городом.

Она сделала ещё несколько шагов и замерла у края. Далия смотрела на драккары, уходившие от берега, и в её детском сердце вдруг родилось то самое чувство, которому она ещё не знала названия. Свобода. Простор. Желание однажды увидеть, что находится за линией горизонта.

Когда-нибудь она сама взойдёт на один из этих кораблей. Сядет у борта, будет слушать, как волны бьются о дерево, чувствовать солёные брызги на лице и смотреть, как Хедебю постепенно исчезает за кормой. Она ещё не знала, куда понесёт её море и какие земли встретятся на пути, но была уверена в одном: однажды она уйдёт так далеко, что сам горизонт перестанет быть для неё границей.

Далия с лёгкой улыбкой подняла руку и помахала удаляющемуся кораблю, словно тот мог её увидеть.

— Пока!

Потом нехотя обернулась. Пухлые губы недовольно надулись, а сама она демонстративно зашагала обратно, размахива-

вая руками и отмеряя каждый шаг так, будто весь мир был обязан подождать, пока маленькая хозяйка Хедебю закончит свой путь обратно к отцу.

Далия продолжала размышлять о чём-то своём, о том, что оставалось для неё сокровенным, как вдруг её пронзила острая боль — от правой стороны лба до самой линии подбородка. Ноги подкосились, и она рухнула на притоптанную траву.

Прохладная земля ударила в спину, трава защекотала кожу сквозь тонкую ткань платья. Перед глазами всё поплыло: и амбар, и крыши, и небо — всё смешалось в одно мутное пятно. Голова закружилась, а боль, ноющая и пульсирующая, будто раскалённым железом впиалась в висок и расползлась по всему лбу. Далия тяжело втянула воздух, но вместо облегчения к горлу подступила тошнота.

Она попыталась подняться, упёрлась ладонью в землю, напрягла руки, но тело дрогнуло, и девочка вновь бессильно повалилась на траву. Несколько мгновений Далия просто лежала, глядя в небо, где солнечный свет резал глаза. В поле зрения вспыхивали мелкие светлые точки, будто над ней кружились искры от кузнечного горна.

Но Далия не привыкла сдаваться: она стиснула зубы, провела ладонью по влажному лбу, стирая выступивший пот, и тряхнула головой. Мерцающие точки постепенно рассеялись, словно туман над водой. Далия медленно, но всё же приподнялась на локтях и огляделась. Тело всё ещё подрагивало, голова была тяжёлой, но любопытство уже брало верх.

И тогда она заметила мальчика. Он лежал неподалёку, тоже на траве, и, судя по всему, упал вместе с ней. На вид он был немного старше Далии: худощавый, невысокий, с расчёпанными волосами.

Первым поднялся мальчик. Отряхнув ладони, он оглядел Далию сверху вниз, и она сразу заметила насмешку в его глазах и криво приподнятый уголок губ. Он закатил глаза, словно уже устал с ней возиться, но всё же протянул руку. Далия нахмурилась и на мгновение замешкалась. Меньше всего ей хотелось принимать помощь от одного из детей Хедебю, которые не раз дразнили её. Однако стоило попробовать подняться самой, как земля неприятно качнулась под телом, и пришлось ухватиться за протянутую ладонь. Мальчик рывком поднял её, а Далия тут же выпрямилась и отряхнула колени, стараясь не показать, насколько всё ещё неуверенно держится на ногах.

Сделав шаг, она почувствовала, как к горлу подкатила тошнота, и на мгновение прикрыла глаза, пережидая дурноту. Когда стало легче, Далия снова посмотрела на мальчика: шишка на его лбу уже налилась красным, одежда была перепачкана, и наверняка дома его ждала такая же участь, как её сейчас у отца. Эта мысль заставила её заметно скривить губы в довольной улыбке.

— Эй!

Приятный мальчишеский голос заставил её остановиться.

— Да постой же! — вновь окликнул мальчик, на этот раз

чуть громче. Вдали залаяла собака, и её лай на мгновение потонул в шуме волн. — Может быть, ты соизволишь извиниться передо мной?

Оглянувшись через плечо, Далия заметила наглую ухмылку на его губах, и внутри что-то неприятно зазудело, ей захотелось разодрать кожу и вырвать эту досаду с корнем. Поморщившись, она ещё раз посмотрела туда, где виднелись причаленные драккары. Ещё недавно она радовалась, чувствовала себя свободной, а теперь какой-то мальчишка увязался за ней и нарочно нарывался на неприятности.

— Отстань, — пробубнила она.

— Что ты сказала? — со смешком переспросил он. — Повтори, а то не слышно. Или боишься?

— Я сказала... — громче произнесла Далия, разворачиваясь к мальчишке. — Отстань. Иди своей дорогой, а я пойду своей.

— Ну уж нет, — выплюнул он и шагнул ближе, хотя всё ещё держался на расстоянии. — Ты должна передо мной извиниться.

— С чего бы мне перед тобой извиняться?

Далия смерила его таким взглядом, словно перед ней стоял не мальчишка, а самый настоящий кусок навоза. Она прекрасно умела отвечать насмешкой на насмешку — этому она научилась у взрослых, которые слишком часто забывали, что дети слышат их слова и видят поступки.

— Да ты глупа, как я посмотрю, — бросил он. В его глазах

уже сверкало раздражение. — Ты врезалась в меня. Из-за тебя, ненормальная, у меня шишка на весь лоб. Что я отцу скажу?

— Наверное, то, что сам врезался в девчонку, — парировала Далия с ухмылкой. — Или придумай что-нибудь получше.

Мальчик нервно провёл ладонью по лбу, убирая влажные волосы. Задев шишку, он тут же шикнул от боли.

— Ты действительно ненормальная.

На этот раз слово обожгло её. Перед глазами на мгновение мелькнули знакомые лица, насмешки и камни, летевшие в её сторону. Сколько раз она слышала это раньше? А сколько делала вид, что ей всё равно?

Даже имя Магнуса Бесстрашного не могло защитить её от людской злобы. Отец мог наказать обидчиков, мог заставить взрослых замолчать, но не мог быть рядом всякий раз, когда кто-то решал бросить в неё злое слово. Значит, если кто-то снова хотел её обидеть, она сама должна была постоять за себя.

— Как ты меня назвал? — медленно спросила Далия, сжимая кулаки.

— Не-нор-маль-на-я! — протянул мальчик, нарочно растягивая каждый слог и вскидывая брови.

Он снова шагнул к ней, но остановился, всматриваясь в её лицо. Плечи чуть приподнялись, а в глазах мелькнула довольная искра, когда он заметил, как Далия помрачнела. Но

он не знал, сколько обид Далия уже успела проглотить. Она слишком долго терпела насмешки, слишком часто молчала, когда хотелось ответить или закричать, и слишком хорошо знала, каково это — делать вид, будто чужие слова совсем не причиняют боли. Сегодня она больше терпеть не собиралась.

Далия первой бросилась вперёд. Она замахнулась, целясь кулаком прямо в нос. В её воображении мальчик должен был отшатнуться, упасть и, может быть, даже заплакать. Однако он оказался проворнее, чем она ожидала, и успел увернуться. Далия почти сразу изменила движение и со всей силы ударила его кулаком в левый бок, прямо под рёбра. Удар отдался болью даже в её собственной руке.

Мальчик зашипел, втянул голову в плечи и посыпал её проклятиями, но Далия уже снова рванулась вперёд. Она била изо всех сил, не давая ему передохнуть. Мальчик почти не отвечал ударами, только уворачивался, отступал и несколько раз толкнул её, отчего Далия падала на колени и бороздила платнем траву. Она уже заранее знала, что за эти зелёные пятна Гизала устроит ей взбучку.

Очередной удар пришёлся мальчику в челюсть, Далия успела достать её скользящим движением, но на этот раз он не растерялся. Перехватив её руку, мальчик резко дёрнул её на себя и, воспользовавшись разбегом, перебросил через себя.

Никто не успела понять, что произошло, даже мальчишка. Мир на мгновение перевернулся, белые волосы взметнулись

перед глазами, и в следующий миг она с глухим ударом рухнула на землю. Наглец тут же навалился сверху, прижимая её руки к траве. Оба тяжело дышали, а он вдруг рассмеялся, явно довольный тем, что наконец сумел её остановить.

— А ты... — начал он, переводя дыхание.

Далия дёрнулась и сумела вырвать правую руку, однако он просто посмотрел ей прямо в глаза и улыбнулся.

— Я впервые вижу, чтобы девчонка так дралась.

— Правда? — с ухмылкой отозвалась Далия, сжимая кулак так сильно, что ногти впились в ладонь. — Значит, я буду первой, кто сломает тебе твой идеальный нос!

Обходя один закоулок Хедебю за другим, Магнус с каждым шагом напрягался всё сильнее. Он обошёл всю площадь, заглянул за торговые навесы, прошёлся вдоль лавок и расспросил каждого встречного, не видел ли тот его девчушку. Заглянул даже под прилавки, куда Далия вполне могла забраться из любопытства, но всё было тщетно.

Дочери нигде не было.

— Ты не видел Далию? — спросил он у проходившего мимо Гудрёда — высокого мужчины с обнажённым торсом, несшего на плече тяжёлую балку в сторону пристани.

— О, Магнус, рад тебя видеть, — протянул Гудрёд, перехватывая балку удобнее и пытаясь смахнуть с потного лба прилипшие волосы. — Нет, не видел. Может, она уже домой убежала?

— Вряд ли.

Магнус двинулся рядом с ним, продолжая высматривать знакомую белую макушку среди пёстрой толпы. Гудрёд сделал ещё несколько шагов, затем свернул к пристани, но вдруг остановился.

— Слушай, друг, — окликнул он Магнуса.

Тот обернулся.

— А может, она умчалась к пристани? Сегодня несколько кораблей должны уйти в море. Насколько я помню, твоя девчушка любит смотреть на них.

Магнус кивнул в знак благодарности. Конечно. Как же он сразу не вспомнил?

Далия могла часами стоять у воды, разглядывая драккары, провожая взглядом каждый, что уходил из гавани. Ей нравилось смотреть на высокие резные штевни, на паруса, которые наполнял морской ветер, и гадать, куда направляются люди на борту. Магнус сжал челюсти. Неужели он настолько разнервничался, что забыл то, что знал о собственной дочери лучше всего?

Не задерживаясь больше ни на миг, он направился к пристани. С каждым шагом шум ярмарки становился тише, уступая место крикам портовых рабочих, скрипу дерева и плеску воды о сваи. Добравшись до главного чертога конунга, Магнус на мгновение замедлил шаг. Этот чертог был ему слишком знаком, здесь прошли годы его жизни — пиры и праздники, клятвы и ссоры, смех и дни, о которых он пред-

почёл бы забыть. Слишком много счастья когда-то жило под этой крышей, но рядом с ним столько же бед, что однажды перевернули их жизнь.

Магнус заставил себя отвернуться. За чертогом начиналась узкая тропа, ведущая к берегу. Он уже собирался пройти дальше, когда заметил знакомую белую макушку.

Далия медленно топала навстречу, совершенно беззаботно бормоча что-то себе под нос. Она была так поглощена собственными мыслями, что не заметила отца и со всего хода врезалась прямо в него. Магнус не успел схватить её, дочь приземлилась на землю.

Сегодня явно был не её день: сначала столкновение с мальчишкой, теперь ещё и отец вырос посреди дороги. Далия быстро поднялась, отряхнула платье и задрала голову. Увидев перед собой Магнуса, она широко улыбнулась, будто вовсе не замечала ни грязи на подоле, ни ссадины на лбу.

— И где же ты была, маленькая проказница?

— Я гуляла, — беззаботно ответила она, поправляя видимые только ей складки на испачканном платье. — А ты где был?

— Тебя искал.

Магнус присел перед ней на корточки и осторожно пригнул дочь к себе за плечи. Далия тихо взвизгнула от неожиданности и тут же обхватила его за шею. Злость ещё теплилась в нём — он ведь успел представить всё самое худшее, пока искал её среди чужих людей, — но теперь, когда дочь

была перед глазами, и страх отступил. Осталась только любовь, которая всегда оказывалась сильнее его гнева.

— Расскажешь, где всё-таки была? — спросил он, внимательно оглядывая её.

Взгляд сразу зацепился за ссадину на лбу, потом за грязь на платье и травинки, запутавшиеся в косах. Магнус снял одну, затем другую.

— Далия?

— Нет, — упрямо ответила она, насупив нос и надув губы.

По её лицу он понял, что говорить она не собиралась, и Магнус не стал давить. Он лишь легко коснулся указательным пальцем её маленького носа.

— Раз не хочешь говорить — не говори. Но когда захочешь, я выслушаю тебя. Хорошо?

Далия после короткого раздумья кивнула. Магнус тяжело выдохнул и наконец позволил себе расслабиться. Главное — она была цела. Ссадины заживут, платье можно отстирать, а остальное он выяснит позже, если дочь сама решит рассказать.

Он провёл ладонью по её белым волосам и тихо сказал:

— Боги отвели от тебя беду, Далия. Ты даже не представляешь, как Фрея тебя хранит.

Далия подняла на него свои разные глаза и улыбнулась, будто этих слов было достаточно, чтобы окончательно забыть обо всём случившемся.

Лес, как и всегда, встретил их своей тишиной. Высокие

деревья покачивали кронами под ветром, где-то в густой листве перекликались птицы, а над тропой то и дело мелькали их быстрые тени. Воздух был густ от запаха хвои, влажной земли и летних цветов, напоминая, что тёплое время года ещё держится за северную землю, хотя дни уже понемногу становились короче и лето готовилось отступить перед осенью.

Магнус шёл по узкой, вытоптанной тропе, петлявшей между деревьями. Вскоре она вывела его на дорогу пошире, ту самую, по которой обычно проезжали телеги с дровами, сеном и товарами, направлявшимися к Хедебю. Сегодня дорога пустовала, почти весь народ собрался на ярмарке, и лес впервые за долгое время принадлежал только им.

Спустя некоторое время Магнус вышел к берегу реки. Вода тянулась вдаль, мерцая под солнцем и разбиваясь мелкой рябью о низкий берег. Ему всё чаще не хватало такого места. Где никто не дёргал его по пустякам, где Вигго хотя бы ненадолго оставлял его в покое, где не было тяжёлого взгляда Гизалы и не раздавались вокруг голоса воинов, требовавших его внимания. Здесь можно было просто дышать, слушать воду и на несколько мгновений забывать обо всём, что ждало его за пределами леса.

— Папа... — прошептала Далия, накручивая на палец прядь его волос.

— Что, моя юная путешественница?

Далия хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

Она лишь нахмурилась, подтянулась ближе и положила острый подбородок ему на макушку, неловко ёрзая и задевая его челюсть. Магнус поморщился от не самых приятных ощущений, но ругать дочь не стал. Лишь слегка погладил её по спине и надёжнее перехватил под коленями, чтобы она случайно не соскользнула с плеч.

— Прости меня, — наконец выдохнула Далия.

Она снова дёрнула ногой, и Магнус сразу понял, чего она хочет.

— Ладно.

Отец осторожно снял дочь с плеч, поставил на землю и поправил её платье, расправляя помятую ткань.

— Далия, я не злюсь на тебя, — тихо сказал он, убирая её косы за спину.

Девочка нахмурила нос. Она всё ещё была уверена, что отец сердится, просто не хотел этого показывать.

— Когда я понял, что ты исчезла, я сильно испугался, — продолжил Магнус. — Я искал тебя среди всей той толпы и впервые за долгое время почувствовал себя совершенно беспомощным.

Он осторожно положил ладонь ей на плечо.

— Ты ведь даже не представляешь, куда могла забрести. Сегодня в Хедебю полно чужих людей. Купцы, мореходы, приезжие из соседних земель... Я не знаю, какие мысли у каждого из них в голове. Я не могу позволить себе потерять тебя.

Далия опустила взгляд, она видела, что отец действительно испугался.

— Больше так не буду, — тихо пообещала она.

Магнус тяжело вздохнул, покачивая головой, он и сам понимал, что отчасти виноват. Слишком увлёкся разговором с торговцем, позволил себе отвлечься и на миг забыл, что рядом с ним ребёнок, который способен сорваться с места за первым же питухом, стоит ему замаячить перед глазами.

— Ты не виновата в том, что тебе хочется всё увидеть, — сказал он наконец, на его губах появилась слабая улыбка. — Ты всего лишь ребёнок. Тебе положено быть любопытной, задавать вопросы и лезть туда, куда тебе не стоит.

Далия посмотрела на него.

— Но запомни другое. Тебе может казаться, что ты отвечаешь только за себя, пока рядом нет никого, кому ты дорога. Но если с тобой что-нибудь случится, мне с этим жить. Я буду каждый день думать о том, что мог быть рядом и не уберег тебя. И неважно, сколько лет мне останется после этого — я всё равно буду знать, что подвёл тебя.

Магнус на мгновение отвёл взгляд, затем снова посмотрел на дочь и крепче сжал её маленькую ладонь в своей.

— Я люблю тебя слишком сильно, чтобы рисковать твоей жизнью, Далия. Твоя безопасность для меня важнее всего, поэтому, когда я прошу тебя держаться рядом, ты должна слушаться.

Некоторое время она молчала, водя носком обуви по пес-

ку, а потом серьёзно кивнула.

— Хорошо, папа.

— Вот и славно. — Магнус коснулся её макушки ладонью.

Они двинулись дальше по берегу. Вскоре впереди, на самой кромке леса, показалась крыша небольшого дома. Он стоял там, где деревья постепенно отступали, оставляя перед ним открытый участок травы и утоптанной земли. Со стороны тропы дом почти невозможно было заметить: густые ветви нависали над крышей и скрывали его от посторонних глаз, словно сам лес оберегал жилище.

Перед домом начинался берег. Полоса зелёной травы постепенно сменялась рыхлой землёй и песком, а дальше уже лежала вода, мерно перекатываясь под ветром. Чуть в стороне, вдоль берега, тянулась небольшая верфь. Обычно здесь кипела работа, но сегодня верфь почти опустела — ярмарка собрала людей в Хедебю. Лишь хозяин остался у берега, продолжая своё дело, обтёсывал дубовые доски, подгонял их одну к другой и закреплял будущие борта. На земле лежали свежие брёвна, смолёные канаты и инструменты, а рядом темнели корпуса кораблей. Одни почти готовые к спуску на воду, другие пока лишь складывались из тяжёлых деревянных деталей.

Магнус невольно замедлил шаг, глядя на знакомый пейзаж. Запах свежего дерева, густой смолы и речной воды смешивался в воздухе, а размеренные удары топоров разносились по берегу.

Дойдя до домика, Магнус уже собирался окликнуть Бьёрна, которого заметил неподалёку от почти готового драккара, когда из-за деревьев донёсся мягкий и певучий женский голос, с той особой теплотой, от которой самые простые слова звучали почти ласково.

— Дорогой Магнус! Неужели ты всё-таки решил навестить нас?

Сигни вышла лёгкой походкой, придерживая край платья, чтобы тот не цеплялся за траву. Её светлые волосы были собраны на затылке и перехвачены лентой, а на груди поблёскивали застёжки-фибулы. При каждом шаге серебро тихо звенело, едва различимо за шумом реки и далёкими ударами топора. В её лице не было ни показной важности, ни той холодной сдержанности, которую Магнус встречал при чертоге Вигго, — лишь открытая улыбка и неподдельная радость от встречи со старым другом.

— Рад тебя видеть, Сигни, — усмехнулся Магнус, обнимая её за талию. — Похоже, сами боги решили напомнить мне, что у меня ещё остались друзья, к которым можно прийти без приглашения.

— А я уж думала, ты совсем забыл дорогу сюда, — рассмеялась она.

Далия всё это время молча стояла рядом, крепко сжимая отцовскую ладонь, и внимательно следила за женщиной. Её насторожил не сам голос и даже не близость Сигни к Магнусу, а то, насколько свободно та держалась рядом с ним, слов-

но знала его всю жизнь и имела право смеяться над его словами. Девочка нахмурилась, чуть сильнее впившись пальцами в ладонь отца, а потом украдкой оглядела Сигни с головы до ног, пытаясь понять, кто перед ней.

Женщина была уже не юной девушкой, но возраст лишь придал её красоте мягкость и достоинство. На ней было простое, но добротное сшитое платье из шерсти, поверх которого лежала лёгкая накидка, скреплённая овальными фибулами. Далия недовольно поджала губы, когда Магнус, что-то сказал Сигни, и женщина ответила ему звонким смехом.

— Значит, это и есть та самая Далия? — наконец спросила Сигни, переведя взгляд на девочку.

Голос её сразу стал тише, женщина сделала шаг навстречу и протянула руки, желая поприветствовать ребёнка, но Далия тут же попятилась, спрятавшись за отцом. Сигни остановилась, не пытаясь приблизиться дальше, и лишь мягко улыбнулась, будто прекрасно понимала, что доверие ребёнка нельзя получить одними объятиями.

— Меня зовут Сигни, — представилась она. — Я давно хотела с тобой познакомиться.

Далия ничего не ответила и только сильнее сжала руку Магнуса, когда тот попытался её подтолкнуть к Сигни.

— Не стоит, — негромко сказала Сигни, заметив её напряжение. — Пусть сама решит, когда захочет подойти. Я никуда не тороплюсь.

Магнус посмотрел на дочь с лёгкой улыбкой и присел ря-

дом, чтобы оказаться с ней почти одного роста.

— Далия, помнишь, я рассказывал тебе о своём старом друге Бьёрне? — спросил он. — Он живёт здесь, а это его жена, Сигни.

Женщина коротко кивнула, поправляя выбившийся локон за ухо.

— Она хорошая женщина, — добавил Магнус. — И уж точно не причинит тебе вреда.

Сигни кивнула, принимая его слова с той же спокойной улыбкой.

— Твой отец говорит правду. Хотя иногда он слишком много обо мне болтает.

Далия впервые посмотрела на неё с лёгким интересом, а Магнус тихо рассмеялся.

Он знал этот дом и его хозяев много лет. Когда-то Бьёрн был одним из тех людей, рядом с которыми Магнус чувствовал себя просто Магнусом, а не сыном Оддгейра, воином, человеком конунга или мужем, на чьих плечах лежала ответственность. Их дружба началась ещё в молодости, двадцать шесть лет назад, когда оба были достаточно безрассудны, чтобы считать себя неуязвимыми, и достаточно глупы, чтобы верить, будто впереди у них целая вечность.

Бьёрн с тех пор почти не изменился в главном: остался человеком прямым, спокойным и удивительно терпеливым. Он был чуть выше Магнуса, широк в плечах и крепок настолько, что годы тяжёлой работы лишь прибавили ему силы. На его

руках навсегда остались следы ремесла — мозоли, порезы и тёмные полосы от древесной смолы. Одноглазый занимался любимым делом всю свою жизнь и знал дерево так же хорошо, как иной воин знал свой меч. Он умел увидеть в грубом стволе будущий корабль, который однажды понесёт людей по морю, выдержит шторм и вернётся обратно к берегу.

Но вот центром их дома, была Сигни. Магнус помнил её ещё молодой женщиной, а теперь видел перед собой хозяйку, привыкшую держать в порядке всё, что зависело от неё, от дома, запасов, до одежды, и детей. В северных землях на таких женщинах действительно держалась значительная часть домашнего хозяйства, особенно когда мужчины уходили в плавание или на войну, и Сигни была именно из тех, кому не требовалось повышать голос, чтобы её слушались.

Когда-то у них было трое сыновей Фроди и Борге, старшие, росли почти неразлучными и были похожи настолько, что в детстве Магнус порой путал их, если видел издали. Только характеры выдавали братьев. Фроди был быстрым и ловким, легко взбиравшимся туда, куда другие дети боялись лезть, тогда как Борге больше полагался на хитрость и умение найти выход там, где остальные видели лишь тупик.

Четыре года назад оба ушли вместе с людьми конунга, когда тому пришлось выступить против соперника, стремившегося расширить свои владения и влияние. Для молодых мужчин такая весна казалась началом большой славы, оружие было наточено, корабли готовы, а песни о будущей по-

беде уже звучали у очагов. Дом Бьёрна ждал их возвращения, но сыновья так и не переступили порог снова. После их смерти Сигни ещё надеялась, что в доме снова появится детский смех, мечтала подарить Бьёрну ещё одного ребёнка, однако судьба распорядилась иначе. Их младший сын остался единственным, кто продолжал носить имя отца и каждый день напоминал обоим родителям, что жизнь всё ещё продолжается, хоть и без их старших сыновей которых они любили.

Магнус хорошо знал этого мальчишку. Он рос совсем не похожим на старших братьев, в нём было что-то колючее и беспокойное. Парень мог долго молчать, наблюдая за взрослыми, а затем внезапно выдать такую насмешку, что даже Бьёрн терялся, не понимая, сердиться ему или смеяться. Мальчик был худощавым, жилистым и удивительно проворным, а в глубине его синих глаз почти всегда таилось выражение, будто он уже придумал какую-то шалость и теперь только ждал подходящего мгновения чтобы потешится над всеми.

— Бьёрн у воды с сыном, — сказала Сигни, указав рукой в сторону берега. — Давайте позовём их к ужину. Я почему-то с самого утра чувствовала, что сегодня к нам заглянут гости, потому и приготовила столько еды, что вы теперь точно не сможете уйти голодными.

Магнус молча кивнул и последовал за ней, чувствуя, как под ногами похрустывает мелкий песок, смешанный с сухи-

ми сосновыми иглами. Он заметно волновался, хотя старался этого не показывать. После рождения Далии они с Бьёрном виделись всего несколько раз, да и те встречи всякий раз оказывались короткими, у каждого хватало своих забот. Теперь же, идя следом за Сигни к берегу, Магнус всё чаще ловил себя на мысли, что не знает, с чего начать разговор с человеком, с которым когда-то мог провести целый день, не испытывая необходимости подбирать слова.

— Бьёрн! Бьёрн! — окликнула Сигни, когда они подошли ближе. — Взгляни-ка, кого к нам сегодня послали боги!

Мужчина, стоявший у недостроенного корабля, медленно обернулся. Он едва не потерял равновесие на неровной земле, поэтому ухватился ладонью за ближайшее бревно, после чего выпрямился и несколько мгновений просто смотрел на гостей, словно не веря собственным глазам. На его лице, покрытом древесной пылью и следами смолы, постепенно появилась широкая улыбка.

— Магнус! — наконец воскликнул он.

Бьёрн отложил инструмент, которым до этого обтёсывал доску, и принялся освобождать место возле корпуса корабля, отодвигая в сторону щепу, обрезки дерева и лежавшие на земле верёвки. Взгляд Сигни задержался на ссадине у Далии на лбу. Она нахмурилась и осторожно коснулась пальцами края ранки.

— Далия, а это откуда у тебя? — мягко спросила она, указав на ссадину у неё на лбу. — Магнус, ты совсем за ней не

смотришь. Она вся в грязи. Что за отец такой?

Она недовольно цокнула языком и принялась отряхивать подол платья.

— Сигни, не стоит так на меня смотреть, — усмехнулся он, подняв ладони в знак своей невинности. — Кто знает, где эта маленькая разбойница успела побывать, пока я её искал по всему Хедебю. Ты бы видела, как она от меня ускользнула. Стоило мне отвернуться на один миг — и всё, нет Далии.

Женщина посмотрела на девочку, затем на Магнуса и едва заметно улыбнулась.

— Любопытно, в кого же она такая пошла?

Пока взрослые продолжали спорить, Далия отошла чуть в сторону и присела на корточки у самой кромки песка. Её внимание быстро переключилось на рыхлую землю под ногами. Девочка нашла небольшую сухую палочку и, высунув кончик языка от сосредоточенности, стала выводить ею линии на песке. Сначала появилась одна черта, затем другая. Далия старалась провести их ровно, чтобы песок не осыпался и не смазал рисунок. Она чуть наклонялась ниже, внимательно следя за каждой линией, а потом осторожно соединяла их между собой, пока на песке не проступил знакомый знак.

Ветер шевелил выбившиеся из кос белые пряди, а за спиной продолжали звучать голоса взрослых, перемешиваясь с тихим плеском воды и редкими ударами инструмента о дерево. Далия почти перестала обращать на них внимание, по-

ка под ногами вдруг не закрипел песок.

Кто-то подошёл совсем близко.

Далия поднялась, отбросила палочку в сторону и выпрямилась. На мгновение она подняла лицо к небу, там облака почти полностью разошлись, и сквозь них пробивался мягкий вечерний свет. Ветер принёс с лесной опушки свежий запах хвои, смешанный с запахом речной воды, смолы и влажного дерева. Девочка медленно вдохнула, позволяя ветру растрепать её волосы, а затем опустила взгляд.

Перед ней стоял мальчик, он был немного выше Далии, худощавый и ещё совсем юный. Коротко подстриженные белоснежные волосы трепал ветер, а глубокие синие глаза внимательно и без всякой спешки изучали её лицо.

Она узнала его сразу.

— Локи.

ГЛАВА 5. Танец под тенью Ясеня

Стать взрослой прежде всего значило для Далии принять жизнь такой, какая она есть, со всеми её изъянами, потерями и испытаниями. Мир уже не казался тем местом, каким виделся в детстве, когда достаточно было крепко зажмуриться и поверить, что тебе всё под силу. Теперь она понимала, что жизнь не обещает ни справедливости, ни лёгкой дороги, а боль неизбежно приходит даже туда, где сегодня царит счастье. Она лишь ждала своего часа, прячась где-то рядом, пока человек ещё не успел её заметить.

Минуло более пяти лет с тех дней, когда Далия бегала по полю, ловя бабочек, а отец катал её на своей шее. Теперь она сама ходила по Хедебю, сама выбирала, куда ей идти, и всё чаще пыталась понять, какой станет её жизнь. Многое вокруг оставалось прежним: ненависть матери, которую Гизала старалась скрывать от Магнуса, люди, что продолжали шушукаться за спиной, да косые взгляды тех детей, которые когда-то не желали с ней играть. Неизменной оставалась лишь любовь отца. Магнус по-прежнему сдувал с дочери пылинки, учил её всему, что знал сам, и день за днём готовил к жизни, которая, как он прекрасно понимал, не станет к ней милосерднее только потому, что она его дочь.

Но вместе с взрослением в её жизни появилось и новое чувство. Оно рождалось где-то глубоко внутри, стягивало живот тугим узлом и заставляло сердце биться чаще всякий раз, когда рядом оказывался Локи. Что именно происходило с ней, Далия ещё не могла понять, взрослый мир оставался для неё почти таким же непостижимым, как прежде, но в одном она уже не сомневалась — причиной этого странного смятения был он. Тот самый наглый мальчишка, с которым они когда-то подрались за чертогом конунга. К слову, тогда Далия всё-таки разбила ему нос, и Локи ещё долго припоминал ей эту выходку.

С тех пор минуло немало лет, а они стали лишь ближе: вместе носились по лесу, ловили пчёл, которые жалили их в ладони, лазили там, где взрослыми было велено не бывать,

и шкодили так, что потом приходилось выслушивать то от одного родителя, то от другого.

— И долго вы будете таскаться друг за другом? — как-то с усмешкой тогда спросила Сигни.

Казалось, эти двое и вправду прилипли друг к другу. Они могли провести вместе целый день, забыв даже о еде, пока родители не начинали искать их по окрестностям. Тогда Далия и Локи выбирались из леса, набив животы ягодами, которые успели сорвать по дороге, и снова исчезали, стоило взрослым отвернуться.

Теперь они подросли, стали юношей и девушкой, и вместе с ними менялось всё вокруг. Лето сменялось осенью, деревья становились выше, лица взрослее, а детские голоса постепенно уступали место другим, ещё непривычным им самим.

Глядя на свои руки по утрам, когда она умывалась у деревянной миски, Далия всё чаще задумывалась о том, чего хочет от жизни. Стать женой какого-нибудь мужчины, вести его хозяйство, ткать, готовить, ждать его возвращения из похода и рожать детей она не хотела. Нет, её мечта была совсем другой. Она хотела пойти по пути отца и однажды самой возглавить воинов, надеть кольчугу, взять в руки меч и выйти против врага, чтобы повести людей за собой и, если судьба позволит, однажды свергнуть не одного правителя.

В отличие от Гизалы, Магнус не смеялся над мечтами дочери, напротив, он с детства учил её обращаться с оружием.

Ещё маленькой Далия тянулась к железу, но настоящий меч был слишком тяжёл для её детских рук, поэтому отец вырезал ей лёгкий, гладкий и достаточно красивый. Далия тогда пищала от радости и с ещё большей охотой принималась за тренировку, сначала с отцом, а потом и с Локи. Тот не жалел её, несколько раз бил по рукам, пользуясь преимуществом в силе, но Далия не собиралась уступать. Она могла подняться после падения со слезами на глазах, сердито вытереть их рукавом и снова встать напротив него, крепче сжимая деревянное оружие. Так и прошло их детство: лес, крики родителей, проделки, за которые приходилось отвечать, и бесконечные драки.

Однажды Гизала увидела повзрослевшую дочь с мечом Магнуса, который давно лежал без дела под их общей кроватью. Далия достала его, протёрла от пыли и принялась тренироваться, с трудом удерживая тяжёлую сталь в руках. Гизала тут же отчитала её, да так, что девушка едва сдерживала слёзы, слушая жестокие слова матери.

— Ты никогда не станешь воительницей и не будешь сражаться. Запомни это, — отчеканила напоследок Гизала, вырывая меч из рук дочери.

Солнце заливало небеса золотым светом, когда Магнус и Далия возвращались из чертога Вигго, где конунг собирал тинг. Далия шагала рядом с отцом, переполненная счастьем, ведь впереди её ждало испытание, которое должно было до-

казать, достойна ли она встать в ряды воинов. Слова лились из неё потоком, она говорила о своих мечтах, о будущем, о том, какой видела собственную судьбу. Но отец почти не слушал, его взгляд был устремлён вдаль, а мысли витали где-то далеко за горизонтом.

Они вышли на поле, отделявшее их от городка. Магнус остановился, огляделся и глубоко вдохнул свежий ветер. Воздух был напоен ароматами деревьев и цветов, а со стороны домов тянуло дымом и запахом готовящейся еды. Он опустился на траву, примяв её своим мощным телом, и на губах его появилась улыбка. Далия звонко рассмеялась, легла рядом и подняла глаза к небу. Над ними медленно плыли белые облака, и казалось, стоит лишь протянуть руку, чтобы коснуться их. Вокруг раздавалось пение птиц, вплетаясь в шелест травы и листвы и унося их обоих в далёкие, тёплые воспоминания.

— Это облако похоже на... — Далия задумчиво нахмурилась, внимательно всматриваясь в небо. — Хм.

— На лошадь? — с лёгкой улыбкой подсказал Магнус.

Приложив пальцы к отросшей бороде, он задумчиво потёр подбородок.

— А может, это... это... Слейпнир?

— Восьминогий конь Одина?

— Ну не твой же, — с лукавой усмешкой произнёс Магнус.

Иногда она вытягивала руку, указывая на очередную при-

чудливую тень, и они вместе угадывали, на что та похожа: на дракона, на воина с поднятым мечом или на корабль, поймавший ветер наполненным парусом. Так они могли лежать часами, позволяя небу рассказывать свои тихие истории.

— Эй, что случилось с моим жизнерадостным отцом? — тихо спросила Далия, заметив, как тот изменился в лице. — Я могу чем-то помочь?

Ответа она не получила. Далия наморщила лоб и надула губы, как бывало в детстве.

— Ты уже взрослая, — спокойно произнёс он. — Скоро у тебя начнётся своя жизнь, и в ней для меня будет гораздо меньше места.

Сердце Магнуса тревожно забилось, словно птица, бьющаяся о прутья клетки. Он предчувствовал то, о чём ещё не решался сказать вслух. Разговор, которого он так долго избегал, оказался тяжелее, чем мог себе представить.

— Далия, ты знаешь...

С детства Магнус учил дочь держать слово, не отступать перед трудностями и самой отвечать за свои поступки. Но где-то глубоко внутри всё это время тлела тревога, которую не удавалось заглушить даже тогда, когда разум подсказывал: он сделал всё, чтобы она была готова. Он вложил в неё полжизни, передал всё, что знал и чему научился сам, а теперь наступало время отпустить её туда, где уже не сможет идти рядом и всякий раз протягивать руку, если она оступится.

— Рано или поздно мне придётся тебя отпустить, — го-

лос Магнуса прозвучал глухо. Он на мгновение отвернулся и грубым движением большого пальца стёр слезу, выступившую в уголке глаза. — Туда, куда рвётся твоя душа, но рядом меня не будет.

Он замолчал, тяжело выдохнул и снова посмотрел на неё. — Я буду в твоём сердце.

Далия ступала по утоптанной земляной тропе легко и уверенно, всё глубже уходя в чащу. Лес давно стал для неё знакомым местом, почти таким же родным, как двор собственного дома, здесь она замечала каждую выступившую из земли корягу, каждую ветвь, преграждавшую путь, и знала, где под ногами спрячется мягкий мох, а где земля станет влажной после недавнего дождя. Пальцы скользили по шероховатой коре, когда она проходила мимо деревьев, и вместе с прохладой древесины на коже оставался терпкий запах ели.

Спустя несколько мгновений за её спиной послышался лёгкий хруст веток. Локи появился почти бесшумно, словно давно шёл следом и лишь теперь решил дать о себе знать. Сложив руки за спиной, он неторопливо шагал по тропе, наблюдая, как Далия время от времени останавливается, наклоняется к земле и осторожно выбирает нужные ей травы и корни. Она была настолько погружена в своё занятие, что сначала даже не обернулась.

— Мне скучно, — протянул Локи, подбирая с земли шишку.

Далия не успела ничего ответить, как шишка стукнула её прямо в плечо. Она резко выпрямилась и метнула в его сторону тяжёлый взгляд из-под нахмуренных бровей.

— Локи! — фыркнула она. — Если тебе настолько скучно, помоги мне собирать травы или сгинь так же тихо, как и появился.

Она снова опустилась к земле, срывая пучок артемизии, но продолжала следить за ним краем глаза. В глубине души Далия совсем не хотела, чтобы Локи уходил, хотя сама себе в этом не признавалась. Локи, конечно, заметил перемену в её лице и ухмыльнулся, после чего ускорил шаг и поравнялся с ней.

— Ты правда хочешь, чтобы я ушёл? — наконец спросил он тише.

Далия не подняла головы. Она стряхнула землю с корня, покрутила его между пальцами и лишь пожала плечом.

— Решай сам.

Локи молчал, в его взгляде мелькнуло что-то похожее на улыбку, но он быстро спрятал её, присаживаясь рядом с поваленным деревом. Несколько мгновений он смотрел на склонённую спину Далии, будто ждал, что она всё-таки прогонит его, однако девушка лишь продолжила отделять стебли.

— Ладно, — пробормотал он. — Показывай, что рвать. Она покосилась на него, явно не ожидая такого ответа.

— Серьёзно?

— Нет, — фыркнул Локи, тут же срывая первый попавшийся стебель. — Просто решил помочь тебе, а то без меня ты и до ночи не справишься.

— Это крапива, умник.

Локи замер, посмотрел на ладонь, где уже выступили красные точки, и тихо выругался сквозь зубы. Далия прикусила губу, пытаясь сохранить серьёзное лицо, но всё-таки не выдержала и громко рассмеялась.

— Несмешно, — буркнул он, потирая ладонь.

— Очень смешно, — сквозь смех ответила Далия.

Локи бросил на неё недовольный взгляд, но уходить не стал. Оставшись рядом, он медленно наклонился к ней, сокращая и без того небольшое расстояние между ними, так что его тёплое дыхание коснулось её щеки.

— Будешь смеяться — сама потом будешь ухаживать за мной.

— Это всего лишь крапива, не нужно устраивать из этого целую трагедию, словно тебя укусила змея.

— Она и укусила. — Локи выгнул бровь, облизывая губы. — Так что, лечить будешь меня?

Между ними повисла та привычная игра, которая с годами стала почти частью их разговоров: стоило одному задеть другого, как второй тут же искал способ ответить.

— Всё ещё думаешь, что без тебя я не справлюсь?

Последнее растение легло в поясную сумку, и разговор тут же свернул в другую сторону. Пальцы Далии ещё некоторое

время перебирали стебли, поправляя их внутри.

— Я в этом уверен.

— Тогда ты сам напросился.

Она резко толкнула его в плечо. Локи совершенно не ожидал этого, стал заваливаться назад, тело по инерции качнулось, нога скользнула по примятой траве, и он, пытаясь удержать равновесие, взмахнул рукой, но лишь задел ближайшую ветку. Под спиной хрустнули сухие ветки, Локи несколько мгновений лежал, ошеломлённо глядя в кроны деревьев, словно сам не успел понять, как оказался на земле.

Далия шагнула к нему и остановилась рядом, с трудом сдерживая улыбку. Наклонившись, она упёрла ладони в колени и посмотрела на него сверху вниз. Белые локоны упали вперёд, кончиками коснувшись его груди.

— А говоришь, помочь хотел. — Губы Далии растянулись в ухмылке. — А сам всё норовишь прилечь. Устал? Тогда отдыхай.

В её голосе звенела победная насмешка. Локи медленно приподнял бровь, перекатился на бок и посмотрел на неё снизу вверх, щурясь от солнца, пробивавшегося сквозь ветви. Несколько мгновений он ничего не говорил, лишь разглядывал её с тем выражением, которое Далия уже слишком хорошо знала. Потом уголок его губ пополз вверх.

— Радуйся, пока можешь.

Прищурившись, она чуть склонила голову, внимательно разглядывая собеседника.

— Я бы на твоём месте долго не лежала на земле, — с хищным оскалом протянула девушка. — Особенно когда рядом муравейник.

Она лениво указала пальцем на муравейник у корней дерева, возле которого Локи так блаженно развалился.

— А то вдруг покусают... твои драгоценные достоинства. Далия громко рассмеялась и, не дожидаясь его ответа, легко развернулась, направляясь глубже в лес. Трава мягко зашуршала под её шагами, ветви цеплялись за косы и белые локоны, но она лишь отмахивалась от них, продолжая идти. Локи резко поднялся на локтях и бросил беглый взгляд на муравейник. Несколько мгновений он смотрел на него с подозрением, всерьёз обдумывая её угрозу, затем фыркнул и вскочил на ноги, стряхивая с одежды сухие ветки и травинки.

— Очень смешно, — выкрикнул он, но в голосе уже слышалось обещание отомстить.

Через мгновение Локи нагнал её и двинулся следом, держась чуть позади. Его шаги глухо отдавались по сырой земле, под ногами ломались мелкие веточки, он не спускал с Далии взгляда. Она двигалась впереди плавно, почти не глядя под ноги, время от времени отводя ладонью ветви, чтобы они не хлестнули по лицу.

— Знаешь, — протянул он спустя несколько шагов, — если бы муравьи всё-таки добрались до меня, виновата была бы ты.

Далия ничего не ответила, лишь продолжила идти, будто вовсе не слышала его, и от этого молчания Локи невольно усмехнулся. Он слишком хорошо знал её, чтобы поверить в это равнодушие.

Его взгляд снова задержался на её спине, на белых волосах, мелькавших между зелёных ветвей, и на той же уверенной походке, которую он знал с детства. В памяти один за другим возникали годы, проведённые здесь. Сколько раз ему приходилось вставать между той девчушкой и чужой жестокостью, сколько раз он ловил её после очередного падения, вытирал кровь с разбитых колен и ждал, пока она перестанет плакать. В этом лесу она когда-то застряла на дереве и долго не решалась спуститься, а потом разрыдалась, когда оса ужалила её в руку. Здесь же она разбивала колени о корни, злилась на собственную боль, вытирала слёзы кулаком и снова упрямо шла дальше.

Тогда Локи ещё не задумывался, почему всегда оказывался рядом. Он просто знал, что если Далии грозила беда, он должен был встать между ней и тем, что могло причинить ей вред.

— А ты помнишь, как в этом самом лесу ты визжала, когда букашка села тебе на плечо? — насмешливо бросил Локи.

Лес крепко связывал их прошлое, здесь они провели почти всё детство, и столько всего случилось среди этих деревьев, что и по пальцам не пересчитать. Здесь они бегали до самого заката, прятались от родителей, устраивали друг дру-

гу пакости, ссорились, а через несколько мгновений снова носились по одной тропе, будто ничего и не произошло.

— Неправда!

Далия резко обернулась.

— Правда, правда, — протянул он, довольно щурясь. — Ты визжала так, что вся Скандинавия слышала. Думаю, даже боги слышали тебя!

Локи расхохотался, запрокинув голову, и тут же поймал на себе её пристальный взгляд, способный, казалось, прожечь в нём дыру.

— Локи, отстань!

Она сердито оттолкнула ветку и ускорила шаг, но он всё равно заметил, как на мгновение дрогнули уголки её губ. Локи посмотрел ей вслед и тоже усмехнулся. Он слишком хорошо помнил тот детский крик, с которым она когда-то подскочила на месте, отчаянно смахивая насекомое с плеча, а потом обиженно надула щёки. Воспоминание осталось таким ясным, что на миг ему почудилось, точно перед ним снова та маленькая Далия, которая злилась из-за каждой царапины и требовала, чтобы никто не смеялся над ней. Только теперь между ними лежали годы, и девочка, которую он привык видеть рядом с собой, давно осталась в прошлом.

Впереди шла Далия, и Локи снова невольно задержал на ней цепкое внимание. Он знал эту походку с детства, помнил, как она бегала по лесу, спотыкалась о корни и всё равно поднималась, но теперь в каждом её движении появилось

что-то новое. Стройная фигура, тонкая талия, прямая спина, белые волосы, скользившие по спине при каждом шаге, — прежде он видел всё это и не придавал значения. Теперь же его внимание цеплялось за отдельные детали и почему-то не спешило переключаться на что-то другое. Локи сам не понимал, отчего вдруг заметил то, мимо чего столько лет проходил, но в этот раз отвернуться оказалось сложнее, чем обычно.

— Далия... — тихо произнёс Локи, покачив головой, словно надеялся отогнать навязчивые мысли.

Девушка обернулась, и он снова встретился с её глазами. В них по-прежнему жила та девчонка, с которой он когда-то дрался из-за пустяков, которая могла разозлиться из-за одной насмешки, а через минуту рассмеяться вместе с ним. Но теперь рядом с этой знакомой Далией появилась другая — взрослеющая девушка, которую он только начинал видеть по-новому. От этого внутри неприятно и сладко сжималось, и Локи сам не понимал, почему ему хочется снова и снова смотреть на неё.

Локи загляделся на её на губы, ещё недавно кривившиеся в насмешке, на выбившуюся белую прядь у щеки, а затем снова посмотрел в глаза. Локи слишком долго молчал и слишком долго смотрел, чтобы не заметить перемену в самом себе. В его взгляде уже не осталось одной лишь привычной товарищеской насмешки. Там появилось что-то новое, ещё не названное им самим, но оттого не менее опасное.

— Локи, догоняй!

Пока юноша ещё пытался разобраться в странном чувстве, которое не давало ему покоя, Далия бросила на него короткий взгляд и сорвалась с места.

Она мчалась вперёд, легко проскальзывая между деревьями, ветер тут же подхватил её белые волосы, бросая пряди на лицо и холодя разгорячённую кожу. В груди становилось тесно от бега, сердце билось всё сильнее, и ей казалось, что ещё немного — и оно вырвется наружу, пробьёт рёбра, упадёт прямо под ноги и разобьётся о корни и опавшие листья. Но если это случится, она всё равно подберёт его, соберёт каждый кусочек, отряхнёт от грязи и спрячет при себе. Ведь в нём была её жизнь — та, которую она ещё только начинала понимать, и те новые, необъяснимые чувства, которые почему-то всё чаще связывались с одним-единственным именем.

Далия наконец замедлила шаг и остановилась, тяжело дыша. Ладони легли на колени, пока она пыталась восстановить дыхание, кровь гулко пульсировала в висках, а тело ещё хранило жар бега. Выпрямившись, Далия обернулась, ожидая увидеть между деревьями знакомую фигуру Локи, но за её спиной раскинулся лишь тихий лес. Ветви покачивались под ветром, где-то в чаще перекликались птицы, под ногами потрескивали сухие ветки, и больше ничего.

— Ну и где ты? — тихо пробормотала она, всматриваясь между стволами. В ответ шелестели только листья, а Локи всё не показывался.

Далия ещё немного постояла, всматриваясь в лесную чащу, затем поджала губы и со всей силы пнула подвернувшийся камень. Тот отлетел в сторону, несколько раз подпрыгнул на неровной земле. Она дождалась, пока он остановится, и только после этого нехотя двинулась дальше, всё ещё надеясь услышать за спиной знакомые шаги.

— Ты меня бросил! — крикнула Далия, её голос прокатился между деревьями, возвращаясь эхом.

Она ещё несколько мгновений стояла неподвижно, глядя туда, где должна была показаться его фигура, а потом уже тише, почти с досадой на саму себя, прошептала:

— Локи...

Поднявшись на крутой склон, где многовековые деревья стояли, склонившись к земле, обнажая корни и словно шепча всему живому свои тайны, Далия ахнула. Перед ней открылся прекрасный вид: внизу раскинулся Хедебю, над крышами домов вился дым очагов, а по реке тянулись корабли, медленно уходя вдаль. Далия долго смотрела им вслед, гадая, куда держит путь каждый из них.

Она уселась на шероховатый уступ, подтянула колени к груди, обняла их руками и положила сверху подбородок. После бега дыхание постепенно успокоилось, а сердце перестало гулко колотиться в груди. Теперь вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы и далёкими звуками Хедебю.

Незаметно для самой себя Далия снова стала думать о се-

мье, далёкой от того идеала, который она когда-то представляла. Перед глазами у неё был другой пример — Сигни и Бьёрн. Ей нравилось смотреть на них, на то, как Бьёрн разговаривал с женой и как заботился о ней. В её собственном доме всё было иначе: там она чаще слышала от матери колкости, чем ласковые слова, и привыкла к тому, что у них тишина почти всегда заканчивалась очередной ссорой.

Почему такая красивая женщина постоянно несчастлива? Неужели она настолько ненавидит меня? — часто спрашивала себя Далия, но ответа так и не находила. Отец всегда умалчивал о том, что произошло до её рождения, и она давно поняла, что не получит от него правды, пока он сам не решит рассказать.

— Всеотец, — хрипло прошептала Далия, подняв лицо к небу. — Что, если однажды и я стану такой, как мать? Что, если тоже научусь ненавидеть всех и вся?

Она медленно покачала головой и тыльной стороной ладони смахнула слезу, скатившуюся по щеке. Далия могла гордо выдерживать натиск матери, могла отвечать ей колкостями или молчанием, но от этого потребность в любви никуда не исчезала. Ей хотелось быть любимой не только отцом. Хотелось однажды почувствовать, что её любят просто за то, что она есть.

— Ждёт ли меня великое будущее?

В этот миг над лесом пронёсся ворон. Он резко каркнул и тяжело взмахнул крыльями, отчего Далия вздрогнула

и невольно выпрямилась. Очередной удар сердца отдался в груди, совпав с криком птицы. Она замерла, провожая ворона взглядом, пока тот не скрылся за верхушками деревьев. Хороший ли это знак или дурной, Далия не знала, но в старых сказаниях вороны редко появлялись без причины.

Она качнула головой, отгоняя мысли и о будущем, и о доме, однако отогнать воспоминание о синих глазах оказалось куда труднее.

— Локи, — насмешливо пробормотала она себе под нос.
— Локи, Локи, Локи... Опять этот Локи!

Далия гневно насупила нос, но почти сразу за спиной раздался знакомый голос:

— Что, моя дорогая?

Голос прозвучал так неожиданно, что Далия вздрогнула и резко обернулась. Локи стоял всего в нескольких шагах, будто уже давно наблюдал за ней, а на его губах играла лукавая улыбка. Он не спешил подходить.

— Ты опять произносишь моё имя, — протянул он, подходя ближе. — Осторожнее, Далия. А то я начну думать, что тебе нравится его произносить.

На его губах мелькнула знакомая ухмылка.

— Хотя... можешь продолжать. Мне нравится, как оно звучит из твоих уст.

Далия глубоко вдохнула, возвращая себе спокойствие, и опустила ноги с уступа. Она внимательно посмотрела на своего друга, стараясь не показать, насколько не вовремя он по-

явился.

— Прекрати кривляться, Локи, — хмыкнула она и легонько толкнула его в твёрдую грудь, когда тот уселся рядом с ней. — Думаешь, это смешно?

— А разве не видно? — усмехнулся он. — По-моему, тебе это даже нравится, впрочем, как и мне.

— Ошибаешься, Локи, — её улыбка стала острее. — Очень сильно ошибаешься.

Локи поймал её за запястье, несколько мгновений он молча смотрел ей в глаза, а затем большим пальцем медленно провёл по коже её запястья. В этом жесте было что-то непривычное для их старой игры, ведь раньше они толкались, спорили и цеплялись друг к другу лишь ради очередной насмешки, теперь же любое прикосновение было необходимым им обоим.

— Милая Далия... — тихо произнёс он.

В его голосе привычная насмешка смешалась с чем-то более мягким, и от этого Далия вдруг перестала улыбаться. Внутри снова поднялась та самая непонятная тревога, которую она пыталась не замечать всё последнее время. Ей хотелось посмотреть ему в глаза и одновременно отвернуться, пока он не заметил слишком многого.

— О чём думала, маленькая Далия? — спросил Локи, не отпуская её руку.

Далия выдержала его напористый взгляд, а затем, словно желая вернуть привычные правила игры, невинно улыбну-

лась и свободной рукой поправила выбившуюся прядь его волос.

— О том, как надрать тебе зад.

Локи тихо присвистнул.

— У-у-у... — протянул он, наклоняясь ближе. — Боюсь, у тебя на это не хватит сил.

Теперь между ними оставалось совсем немного места. Его дыхание коснулось её лица, и Далия почувствовала, как по коже пробежала предательская дрожь.

— Проверим? — почти шёпотом спросила она.

Уголок губ Локи медленно поднялся. Он чуть склонил голову, не отводя взгляда, и на несколько долгих мгновений они просто смотрели друг на друга. В его глазах уже не было прежней мальчишеской насмешки, а Далия впервые поймала себя на том, что не хочет первой нарушать эту близость. Локи осторожно провёл ладонью по её щеке, задержав пальцы у виска, и Далия невольно замерла.

Она понимала, что ещё одно движение — и они переступят ту невидимую черту.

— Ты слишком уверена в себе, — тихо произнёс Локи.

Лес вокруг стих, оставляя им только шелест ветвей и собственное дыхание. Ни один из них не отступил.

ГЛАВА 6. Жертва на алтаре тирана

С первыми лучами Гизала проснулась в редком для себя состоянии — лёгком и свободном, когда на душе ничего не

скребло, а в голове царил порядок. В такие дни ей казалось, что счастье всё-таки может быть простым, тихим и не требующим причины.

Умывшись холодной водой, она подошла к столику в углу комнаты. Тёмное дерево, изящные линии — всё в нём было сделано руками её покойного отца. Столик пережил немало лет и стал свидетелем множества событий, отчего теперь казался Гизале почти живым. Она провела по гладкой поверхности кончиком пальца, оставив в пыли тонкую дорожку, и задержала на ней взгляд.

Присев, Гизала провела ладонью по волосам и наклонилась к отполированной бронзовой чаше, всматриваясь в смутное отражение. Уголки её губ чуть приподнялись. Взяв со столика гребень, она принялась медленно расчёсывать длинные светло-пепельные волосы, бережно перебирая прядь за прядью. Вглядываясь в отражение, она невольно вернулась мыслями в прошлое, в те годы, когда была моложе и ещё не знала, сколько перемен принесут ей грядущие годы. Тогда она казалась себе неотразимой, полной жизни и сил, теперь же в отражении видела лишь бледную тень той красоты, которой когда-то так гордилась.

Солнечный свет уже проникал в комнату, медленно скользя по стенам и деревянному полу. Она резко качнула головой, словно стряхивая воспоминания так же нетерпеливо, как смахивают назойливых мух с обеденного стола. Мысли рассеялись, и Гизала вновь сосредоточилась на своём отра-

жении. Гребень мягко скользил по густым волосам, движения становились ровными и размеренными, а пряди послушно ложились на плечи. Спустя мгновение она тихо запела, почти неслышно, едва нарушая голосом утреннюю тишину. Мелодия текла мягко и плавно, наполняя комнату тёплым домашним покоем, словно в этих стенах никогда не было ссор.

Две тонкие косы она заплела у висков и закрепила на затылке, остальные волосы откинула назад, позволяя им свободно рассыпаться по спине. У лба оставила несколько прядей, смягчавших черты лица и подчёркивавших едва заметные морщинки — следы прожитых лет. Гизала выбрала платье из лёгкой синей ткани и подпоясала его кожаным ремнём. Уже выходя из комнаты, она накинула на плечи шерстяную накидку с глубоким капюшоном.

Выходя из дома, Гизала столкнулась с Магнусом у самой двери, тот как раз собирался войти. Сердце предательски ёкнуло, и женщина невольно остановилась, проследив за ним взглядом, однако муж даже не посмотрел в её сторону и не спросил, куда она собралась, как делал прежде. От этого стало ещё больнее, и Гизала закусил губу, понимая, что сама навлекла на себя эту беду.

— Я... — голос невольно ослаб. — Я пойду прогуляюсь. Не теряй меня.

В ответ она слышала лишь тишину. Магнус уже сел у очага и, ловко работая ножом, продолжил вырезать из куска де-

рева какую-то фигурку, очертания которой Гизала не могла разобрать издали: то ли медведя, то ли лошадь.

Гизала прикрыла за собой дверь и пошла прочь, не понимая, что теперь делать с мужем и как вернуть то, что сама разрушила между ними.

Улицы Хедебю, знакомые ей с самого детства, встретили её шумом и непривычным для раннего утра оживлением. Гизала вдыхала густой запах города: дым очага смешивался с ароматом варёной еды, свежей древесины, шерсти, сырой земли и животных, а от пристани тянуло речной водой и смолой. Она давно не выбиралась в сам город, предпочитая тишину дома и лесную окраину неподалёку, где ей не приходилось сталкиваться со знакомыми лицами и отвечать на их назойливые вопросы. Однако сегодня было иначе. Она наконец решила, что пора действовать, пока для неё не стало слишком поздно.

Шагая между домами и лавками, Гизала внимательно разглядывала прохожих. Многих из них она знала с юности, но приветствовать никого не спешила, потому что прошли те времена, когда она радовалась встречам и сама искала знакомые лица. Теперь же Гизала скорее обошла бы этих людей стороной, чем подарила кому-нибудь своё внимание.

Она протискивалась между прохожими, стараясь не задерживаться возле торговых рядов. Кто-то громко торговался, сбивая цену на товар, кто-то перекрикивался через головы людей, а дети сновали между взрослыми, норовя улизнуть

от матери. Гизала почти не вслушивалась в разговоры и не разглядывала товары, ведь она пришла сюда не за ними.

У торговой лавки Гизала заметила подругу, склонившуюся над прилавком. Та что-то оживлённо рассказывала купцу, время от времени прикрывая рот ладонью, а потом запрокинула голову и рассмеялась. Та же открытая улыбка, тот же лёгкий смех, от которого вокруг неё будто становилось светлее. За прошедшие годы в ней почти ничего не изменилось.

Гизала быстро направилась к ней. Когда их взгляды встретились, на лице подруги вспыхнула искренняя улыбка, и они почти одновременно шагнули навстречу друг другу. Женщины крепко обнялись, однако объятие продлилось всего несколько мгновений. Гизала первой оглянулась по сторонам, заметив несколько слишком внимательных взглядов. Она сжала ладонь подруги и без лишних слов потянула её за собой.

Пройдя вдоль берега, они скрылись за бугристой кромкой леса, где смогли остаться незамеченными. Усевшись на поваленное дерево, ствол которого во время прилива омывала вода, Гизала и её подруга глубоко вздохнули. Воздух здесь был насыщен запахами речной воды, свежей травы, хвои и влажной земли, ещё не успевшей просохнуть после ночного дождя. В этом укромном уголке царила тишина, нарушаемая лишь плеском волн у берега да шелестом ветвей над головой.

Гизала посмотрела на подругу и впервые за всё время дороги позволила себе рассмотреть её внимательно. Годы оста-

вили на лице Ингви заметные следы: черты стали тоньше, под глазами залегли тени, а в глазах почти не осталось того живого блеска, который когда-то так легко сопровождал её улыбку. Их последняя встреча состоялась много лет назад, в тот трагический день, когда Ингви потеряла сына.

— Моя дорогая Ингви, — шептала Гизала, не отрывая руки от её лица. Пальцы скользили по впалым щекам, осторожно обводили скулы, задерживались у висков и снова возвращались к губам, будто Гизала пыталась на ощупь отыскать в иссушенном лице ту женщину, которую помнила. — Моя красавица... моя прекрасная, истерзанная временем подруга.

Она провела ладонью по её волосам, поправила выбившуюся прядь и тут же снова коснулась щеки. Не могла остановиться. Большой палец медленно прошёлся по морщинам, задержался на каждой, словно Гизала хотела запомнить их одну за другой.

— Прости меня, — выдохнула она, сглотнув. — Боги наказали меня за всё. Я не должна была бросать тебя в тот день. Не должна была отпускать твою руку.

— Гизала, что было, то прошло, — тихо ответила Ингви, осторожно накрывая её руку своей. Голос всё ещё дрожал от волнения. — Лучше Расскажи мне, как поживает твой муж. Ах, как давно я его не видела.

Ингви отвела взгляд, задержав его где-то за плечом Гизалы. Между ними давно осталось слишком много невысказан-

ного, чтобы теперь пытаться подобрать нужные слова. Они обе знали, что каждая из них носит внутри, и обе давно научились жить с тем, о чём не говорили вслух.

— Хотя я и редко выбираюсь из дома, до меня дошёл слух, что Магнус больше не ходит в набег. Наверное, всё из-за вашей дочери? — в голосе Ингви появилась мягкая улыбка. — Это ведь хорошо, разве нет? Как же он вас ценит и любит.

Гизала сжала губы в тонкую линию. Слова подруги заделали её сильнее, чем она хотела показать, но Ингви всё равно успела заметить эту перемену.

— А как твоя дочь? — почти беззаботно спросила она, поправляя подол платья, который ветер трепал у ног. — Она, наверное, уже совсем взрослая и такая же красивая, как её мать. Как бы мне хотелось увидеть её хотя бы одним глазком.

Ингви жадно ловила каждую возможность узнать больше о старой подруге и её семье. О Далии она слышала немало, и потому желание увидеть девочку давно жило в ней, однако все эти годы она не решалась выйти из дома. Боль в костях с каждым годом становилась сильнее и порой не позволяла ей пройти даже до ближайшего дома, не говоря уже о дороге через холм.

— Ингви, я безумно тебя люблю, — грубо прошипела Гизала, качая головой. — Но я не хочу, чтобы ты тешила себя ложью о какой-то там любви, которая одним лишь богам известна.

Ахнув, она прикрыла рот худощавой ладонью. Столько

лет они не виделись, столько всего накопилось за это время, столько хотелось сказать, спросить, услышать в ответ, а Гизала только злилась от каждого её слова. Ингви хотела было возразить, но, всмотревшись в лицо подруги, увидела усталость, ввевшуюся слишком глубоко, чтобы её можно было скрыть улыбкой.

— Гизала... Всё ведь не так хорошо, как мне хотелось бы думать?

Гизала сглотнула, она хотела ответить, но ком подступил к горлу, не позволяя вымолвить ни слова. Женщина лишь качнула головой, и тогда рука Ингви легла ей на щёку. Шершавые пальцы медленно погладили кожу, словно в этом простом прикосновении можно было вернуть той женщине, какой Гизала когда-то была, хоть немного прежнего спокойствия.

Зелёные глаза Гизалы устремились вдаль, следуя за стаяй птиц, скользивших над лесом. Она иногда думала, каково это — быть такой же свободной, не знать ни стен, ни чужих приказов, ни собственных цепей, а просто подняться над землёй и улететь туда, где никто не знает её имени и прошлого. Но птицы исчезли за деревьями, а она осталась сидеть на холодном берегу, рядом с женщиной, перед которой впервые за долгие годы могла не притворяться.

— Сигурд... — тихо произнесла Ингви, глядя туда же, куда смотрела Гизала. — Ты до сих пор его любишь?

Гизала вздрогнула.

— Я помню, как ты рыдала у меня на плече, когда умерла Брида. А всего через полгода погиб и Сигурд. Тогда Магнус отдалился от тебя. Он сам потерял родного брата и не видел твоей боли так, как видела её я.

Гизала опустила взгляд, сминая в пальцах ткань платья.

— Помню и то, как ты хотела уйти за ним следом... — тихо продолжила Ингви, и голос предательски дрогнул. — А я всё равно не отпустила тебя.

Ингви молчала. Гизала наконец подняла на неё глаза, и в них уже стояли слёзы.

— Ты была рядом со мной тогда, а я... — Гизала запнулась, не сумев договорить. — Я должна была быть рядом с тобой. Мне нужно было уйти за ними...

Несколько мгновений Ингви ничего не говорила. Лишь смотрела на подругу, пока та сдерживала подступившие слёзы.

— Ты бы этого не сделала, — наконец тихо сказала Ингви. — Как бы сильно ты его ни любила, жить ты любила больше всего. Да и Магнус был тебе безразличен. Я помню, как ты тогда металась, не зная, кого выбрать и кому в конце концов отдать своё сердце.

Гизала горько усмехнулась. Прошлого не изменишь, сколько бы раз ни возвращался к нему мыслями. Мёртвых не вернуть, сказанного не забрать обратно, а кровь, однажды пролитую, не смоешь с земли так, словно её никогда не было. Оставалось лишь жить с тем, что уже сделано, и удержаться

там, куда сама загнала себя много лет назад.

Но рядом с Ингви Гизала впервые за долгое время перестала держать лицо. Она закрыла глаза, и слёзы, которые столько лет приходилось проглатывать, наконец хлынули свободно. Женщина плакала, не пытаясь скрыть боль, и говорила о том, о чём не осмеливалась произнести вслух даже в собственном доме. Рассказала, что Магнус знал об измене и о Бриде, что после смерти Сигурда между ними осталось слишком много боли, которую они так и не сумели похоронить вместе с ним.

Рассказала и о Далии. О том, что возненавидела её ещё до рождения, ещё тогда, когда дочь была лишь ребёнком под её сердцем, и сама не могла понять, как можно ненавидеть того, кто ещё не успел причинить тебе ни единой боли. И наконец Гизала призналась в том, чего не хотела признавать долгие годы. По-настоящему она любила лишь одного человека.

Только поняла это тогда, когда почти всё между ними уже было разрушено.

— Я хочу вернуть его, — прошептала Гизала, сжимая пальцы. — Хочу вернуть всё, что было между нами. Наш дом. Его любовь. Его самого... Но я уже не знаю, как это сделать.

Она замолчала, тяжело втянув воздух.

— Далия... это она стоит между нами. Она всегда была центром его любви. Пока она рядом, для меня там места нет.

Ингви медленно убрала руку с её колена, которое погла-

живала всё это время.

— Что ты задумала?

— Я честно пыталась полюбить её, — с горькой усмешкой сказала Гизала. — С самого начала, с первых дней её жизни. Но сколько бы времени ни проходило, во мне ничего не менялось.

Она посмотрела на подругу покрасневшими от слёз глазами.

— Боги тому свидетели, я должна от неё избавиться.

Ингви непонимающе качнула головой.

— Но чем я тебе помогу?

Гизала медленно подняла на неё взгляд. От прежней слабости не осталось и следа. На губах появилась холодная усмешка, пока она стирала влагу со щёк.

— Ты прекрасно знаешь чем.

«Это единственный шанс для тебя, подруга...» — раздавалось в голове Гизалы, пока она шла обратно, оставив Ингви на берегу. Та не захотела уходить сразу, уверяя, что доберётся сама, однако Гизала едва могла заставить себя оставить её одну. Она слишком хорошо понимала, насколько тяжело подруге даётся ходьба, и всё же Ингви настояла, чтобы Гизала ушла. От одной этой мысли становилось тошно. Она никогда не бросала свою Ингви и теперь впервые уходила, зная, что оставляет её одну с той болью, которая уже много лет не отпускала её.

Гизала вышла на улицы Хедебю, где по-прежнему толпился народ. Между домами сновали дети, у крыльца домов и возле лавок переговаривались мужчины, отовсюду доносились голоса, смех и ругань. Гизала встретила с Ингви не только ради самой встречи. Ей нужен был её совет, тот самый, который когда-то помогал им выпутываться из собственных проделок. В юности они с Ингви были неразлучны, вместе участвовали в обрядах, шептали друг другу заговоры, устраивали мелкие козни и сталкивали людей между собой, забавляясь тем, как легко чужие ссоры разгорались от одного сказанного ими слова.

Отец Гизалы, Эйстур, не раз отчитывал их за подобные выходки, а однажды их языки обернулись настоящей бедой. Тогда погибла молодая девушка, всего на несколько лет младше них. Эйстур и Раун, отец Ингви, сумели уладить дело, переложив вину на других, однако для обеих это не стало забытой детской шалостью.

Теперь, спустя столько лет, они вновь встретились и снова собирались плести интригу, только на этот раз ставки были куда выше. Речь шла уже не о чужой ссоре или о девичьей проказе, на кону стояла судьба Далии. Если они решатся идти до конца, на этот раз последствия коснутся их собственной крови. И где-то глубоко внутри Гизала уже чувствовала, что боги не станут безмолвно смотреть на то, как она замышляет против плоти от плоти своей.

Подняв глаза, Гизала увидела перед собой чертог конун-

га. Стены из потемневших от времени брёвен поднимались над соседними домами, а широкая двускатная крыша была покрыта деревянными дранками. По краям кровли выступали резные детали, а у входа находилось просторное крыльцо, способное вместить несколько десятков человек. Перед дверями стояли деревянные столбы с резными изображениями зверей и переплетённых узоров. Изнутри доносились приглушённые голоса, шаги и звон посуды.

Гизала сделала несколько шагов и остановилась перед дверью. Медленно подняла руку и осторожно прикоснулась ладонью к дереву. От него веяло прохладой. Дверь была массивной, скреплённой железными полосами и украшенной резьбой.

Сердце ударило раз. Затем ещё.

Долго она стояла в нерешительности, не смея постучать и войти. Но вот дверь распахнулась, и перед ней предстал мужчина небывалого роста, похожий на древнего великана. Берсерк — так называли его в народе. В нём читалась та самая свирепость, о которой слагали сказания, он мог броситься в бой без доспехов, доверяя лишь силе своих рук, будто сама природа наделила его нечеловеческой мощью.

Его черты лица были грубыми, небрежная щетина покрывала челюсть, пробиваясь едва заметной сединой. Глаза, наполненные злобой и ненавистью, казались настолько тёмными, что сперва было сложно разобрать их цвет, но Гизала знала: они были карие.

— Тайр, — робко произнесла она, сцепив руки.

Мужчина медленно скользнул по Гизале взглядом, и уголок его рта дёрнулся в знакомой ухмылке.

— Так-так-так. Какая птичка решила заглянуть в клетку? — процедил он, вытирая губы от влаги. Похоже, недавнопил эль. — Гизала, зачем ты здесь? Неужто истосковалась по мне?

Приятный тембр его голоса проникал в самую душу, обволакивая её. Гизала могла часами слушать Тайра — настолько красивым и таинственным казался ей его голос.

— Нет, дорогой Тайр. Мне нужен твой брат.

Улыбка растянулась на её губах. Она всё ещё помнила те времена, когда не боялась бросать Тайру вызовы и отвечать на его насмешки. Протянув руку, она нежно, почти интимно смахнула пылинку с его плеча. Тайр заметно расслабился, прильнул плечом к дверному косяку и испытующе посмотрел на Гизалу.

— У Вигго сегодня паршивое настроение, он не хочет ни с кем говорить, — произнёс мужчина и сделал паузу, ещё раз окидывая давнюю знакомую взглядом с головы до ног. — Но я готов рискнуть и попытаться убедить брата принять тебя. Мы всё-таки не чужие друг другу, Гизала.

Она кивнула, соглашаясь с его предложением. Тайр широко распахнул дверь и жестом пригласил гостью войти. С улыбкой на губах Гизала решительно переступила порог чертога конунга. Внутри царил полумрак. Окна, выходившие на

улицу, были наполовину завешены, а факелы, закреплённые на стенах, горели неровно, оставляя по углам тени. В воздухе смешивались запахи дыма, старого дерева и свежего эля.

— Постой здесь, — не оборачиваясь, сказал Тайр, указывая на место у очага. — Если Вигго захочет, он придёт. Если нет, просто уйди.

— Скажи ему, что я не уйду, пока не поговорю с ним.

Тайр остановился, посмотрел через плечо и улыбнулся. Ему нравилась её настырность, ещё девчонкой она умела добиваться своего и не отступала, пока не получала желаемого. Он молча кивнул и ушёл, оставляя её одну в большом зале.

Женщина огляделась, задерживаясь на каждом знакомом уголке чертога. Внутри что-то дрогнуло — память возвращала ей картины, которые она столько лет старалась не тревожить. Когда-то она была почётной гостьей в этих стенах, сидела среди людей за длинными столами, слышала смех, звон кубков и голоса мужчин.

— Здесь почти ничего не изменилось, — заметила она, проводя рукой по резному столбу. Закрыв глаза, Гизала прислонилась щекой к дереву и глубоко вдохнула его аромат. По телу прошла давно забытая, но приятная дрожь. — Те дни были самыми счастливыми.

Оттолкнувшись от столба, что устремлялся к самому потолку, она прошла в центр зала. Взгляд её скользнул по потолку, увешанному костями, вырезанными рунами и разными украшениями, присущими её народу.

Тот чертог был местом силы и власти двух братьев, столь родных по крови и столь разных по нраву. Тайр, младший брат конунга Вигго, был высокомерен, тщеславен и жаден до почёта. Ему нравилось ощущать собственное превосходство, видеть, как перед ним отступают и склоняют головы. Само это чувство опьяняло его. Но вот Вигго жаждал власти всей душой. В нём таилось что-то звериное, скрытое под обликом невинного человека, но только дай ему повод — и он бросится на того, кто осмелится переступить проведённую им черту. Власть была его страстью, а вкусный эль — второй. Крепкий напиток он пил с утра и мог выпить за день столько, что другой давно бы свалился под стол.

Тишину нарушал только треск огня. Пламя горело в очаге посреди зала, отбрасывая неровный свет на стены и резные столбы. Гизала протянула к нему руки, позволяя теплу коснуться озябших пальцев. Несколько мгновений она просто смотрела на огонь, пока память не вернула её туда, куда она не собиралась возвращаться. Когда-то ей казалось, что рядом с этим очагом она уже получила всё, чего могла желать. Она протянула руку ближе, но жар заставил её резко отдернуть ладонь.

— Сколько лет минуло, а ты всё та же, — голос, нарушивший тишину, которая только что царила здесь, был резок. — Всё такая же настойчивая и упрямая.

Внимание Гизалы привлёк трон, но тот всё ещё пустовал. Со стороны лестницы, ведущей на второй этаж, донеслись

глухие, размеренные шаги. Из полумрака показался Вигго.

Его серые глаза, холодные и тяжёлые, остановились на Гизале. Вигго был невысок, но двигался легко, без лишней суеты, точно каждый шаг давно был им рассчитан. На нём была простая белая рубаша с глубоким вырезом на груди, обшитым тонкой красной каймой, чёрные плотные штаны и широкий кожаный ремень. У бедра висел топор. Гизала невольно задержала на нём взгляд, слишком хорошо она знала эту работу и руки, которые когда-то держали этот металл.

Конунг тяжело опустился на трон. Несколько мгновений Вигго просто смотрел на Гизалу, не произнося ни слова, затем коротким движением пальцев подозвал её ближе и указал на место рядом с собой.

— Благодарю вас, мой господин, — тихо произнесла Гизала, низко поклонившись. Затем она осторожно присела рядом с Вигго.

— Ты ведь пришла сюда не для того, чтобы говорить о прошлом? — уголки его губ приподнялись в усмешке. Грубыми пальцами он ухватил выбившуюся прядь её волос и неторопливо завёл за ухо. Прикосновение было коротким, но ощутимым, словно напоминание, что здесь и сейчас главный он. — Давай перейдём сразу к делу.

Гизала сидела рядом с Вигго, выпрямив спину и сложив руки на коленях. Она начала издалека, не спешила выкладывать причину своего прихода. Вигго это прекрасно понимал. Слишком давно он знал эту змею, чтобы поверить её вежли-

вым речам.

— ...Так вот, — Гизала медленно провела ладонью по краю дерева, собираясь с мыслями. — Люди говорят разное, тебе ли не знать.

Она всмотрелась в лицо Вигго, пытаясь уловить малейшую перемену в его выражении.

— Порой это правда... — тихо добавила она. — А порой лишь ложь.

— И что же говорят?

В его глазах читался неподдельный интерес.

— Господин, до меня дошли слухи о том, что в вашем браке возникли разногласия и вы подумываете о том, чтобы найти себе новую спутницу жизни, которая будет соответствовать вашим ожиданиям.

— Продолжай, — с усмешкой велел он.

— Ты ведь не забыл нашу с Магнусом дочь, Далию? — тихо произнесла Гизала и легонько коснулась руки конунга. Вигго вздрогнул. — С самого детства она росла под крышей этого чертога. Бегала по залу, играла с твоим старшим сыном, воровала со стола твой кинжал и уносилась прочь, пока воины лишь смеялись ей вслед.

— Помню эту маленькую разбойницу, — хмыкнул Вигго, и на его лице появилась широкая улыбка. — Упрямая была, как молодой жеребец, а глаза сверкали, будто у лисёнка, что впервые выбрался из норы.

— Именно, — спокойно продолжила Гизала. — Но с тех

пор прошло много зим, она больше не ребёнок. Теперь это взрослая девушка, а таким, как она, полагается союз. Достойный союз.

Она чуть выпрямилась, голос стал твёрже.

— Магнус — твой военачальник и близкий друг, его дочь не может быть отдана первому встречному. Её брак должен быть таким, чтобы укрепить род, умножить честь дома и напомнить всем, чья кровь течёт в её жилах.

Вигго медленно повернул голову и внимательно посмотрел на неё.

— К чему ты клонишь, Гизала?

Уголок губ Вигго приподнялся. Он прекрасно понимал, зачем пришла Гизала, но не спешил заговорить первым, ожидая, когда она сама скажет об этом вслух.

— К тому, о чём ты сам думал долгие годы, — тихо обронила она. — Я видела твои взгляды. Ты наблюдал за ней, видел, как она растёт, как держит голову, как смотрит на мир, будто он должен покориться ей.

Она наклонилась ближе, почти стирая остаток расстояния между ними. Голос стал тише, мягче, приобрёл доверительную интонацию, которой особенно легко было подчиниться. Ладонь медленно скользнула по его бедру и задержалась там, где чувствительность у Вигго была сильнее всего. И мужчина не отстранился, напротив, расслабился на троне, чуть сильнее откинувшись на спинку, и позволил ей продолжить эту игру. Его взгляд потемнел, а на губах появилась едва замет-

ная улыбка. Он понимал, что Гизала делает, но не собирался останавливать её.

— Ты можешь обмануть кого угодно, Вигго, но не меня, — прошептала Гизала. — Я видела огонь в твоих глазах, когда ты смотрел на неё. Видела, как он тебя тянет к ней. И не к той неугомонной девчонке, которая когда-то носилась по этому залу с кинжалом в руке и доставляла всем хлопоты.

Она выдержала короткую паузу, внимательно следя за его лицом.

— А к кому? — томно протянул Вигго.

Он расставил ноги шире и прикрыл глаза, откинувшись на спинку трона. Уголок его губ едва заметно дрогнул, а пальцы медленно сжались на подлокотниках. Гизала улыбнулась и наклонилась ещё ближе, коснувшись губами его уха.

— *Valr*, — мягко произнесла она. — К той, кого воин выбирает сам. К той, что достойна стоять рядом с ним у огня, делить его кровь, славу и судьбу.

Вигго медленно открыл глаза. На мгновение его лицо осталось неподвижным, но затем дыхание сбилось.

— Да, — прошептал он, чуть подаваясь навстречу её прикосновению, словно сам не заметил этого движения, и только после этого снова встретился с её взглядом.

— Её время пришло, — выдохнула Гизала, ощущая скользкое тепло на своей ладони. — Теперь ты можешь забрать то, чего так давно желаешь.

Тишина в зале стала вязкой. По коже Вигго пробежали

мурашки, а на губах задержалась довольная усмешка. Гизала не впервые знала, как задеть в нём это желание, и каждый раз после её прикосновений ему хотелось лишь одного — чтобы она не останавливалась.

— Представь, что она в твоих руках. И принадлежит только тебе.

Последние слова она произнесла совсем тихо, почти на выдохе. Затем отстранилась, оставляя Вигго наедине с образом, который сама только что вложила ему в голову.

— Вигго, я не прошу тебя, — продолжила она, медленно убирая руку с его паха. — Я предлагаю тебе Далию в жёны. И второго такого предложения не будет.

Она чуть склонила голову.

— Ты нуждаешься в ней больше, чем хочешь признать. Поэтому соглашайся, мой господин.

Тем же вечером. Хедебю.

— Гизала, ты понимаешь, что ты наделала? — кричал Магнус.

Дом Магнуса Бесстрашного утонул в криках. Дверь с грохотом билась о стену, когда мужчина метался по комнате, смахивая всё, что попадалось под руку. Один из стульев рухнул набок, ножка с сухим треском переломилась об пол. Следом разлетелась глиняная посуда, осколки разлетелись во все стороны и остановились у ног перепуганной Гизалы.

— Знаешь, — тяжело дыша, произнёс Магнус, швыряя

очередной кувшин в стену, отчего тот раскололся. — Я не могу понять, как в тебе может быть столько гнили. Как в такой, на первый взгляд, нежной женщине столько лет могло жить подобное чудовище? Да как это, во имя всех богов, вообще возможно?

Гизала удивлённо хлопнула ресницами. Она боялась его, и сейчас впервые за многие годы страх дошёл до самого нутра. Магнус может убить её, если потеряет над собой контроль, и никто в Хедебю не посмеет назвать его убийцей за то, что произошло в собственном доме. Однако страх остался единственным, что она чувствовала. Ни раскаяния, ни стыда, ни сожаления о содеянном в ней не было. Она по-прежнему считала, что поступила правильно, и была уверена в том, что Магнусу нужно лишь пережить первый приступ ярости, обдумать случившееся и увидеть то, что уже увидела она. Брак с Вигго станет решением, которое избавит их от всех проблемы, и рано или поздно Магнус это поймёт, даже если сейчас ненавидит её за саму мысль.

— Остановись! — воскликнула она, подняв руки, когда Магнус схватился за топор.

Он не собирался причинять ей вред. Лезвие лишь должно было разрубить стол, который оказался на его пути.

— Остановись, Магнус!

Мужчина замер, затем медленно опустил руку и положил топор на стол. Его грудь тяжело вздымалась, на шее проступили напряжённые жилы, а пальцы несколько раз сжались и

разжались, удерживая остатки самообладания.

— Ты не имеешь права судить меня, — выдохнула Гизала, стараясь говорить твёрдо, хотя голос предательски дрогнул. — И уж тем более не вправе говорить мне такие гадкие слова. Я твоя жена!

Эти слова больно задели Магнуса. Гнев ещё не ушёл из его глаз, но постепенно в нём проступило разочарование. Лицо стало жёстче, взгляд потускнел, плечи тяжело опустились, а на губах появилась горькая улыбка.

— Ты говоришь — жена? — тихо переспросил он, медленно приближаясь к ней.

На пути оказался уцелевший стул, Магнус толкнул его ногой, тот с грохотом опрокинулся, и Гизала вздрогнула, отступая ещё на шаг. Но больше отступать было некуда, спиной она упёрлась в стену, чувствуя холод дерева сквозь ткань платья. Магнус подошёл вплотную и резко ударил ладонью по стене возле её лица, заставив Гизалу замереть. Затем его рука поднялась к её подбородку, грубые пальцы сомкнулись на коже и на несколько мгновений задержались там, неторопливо поглаживая её, от чего этот жест казался ещё страшнее.

— Ты моя ошибка, — произнёс он тихо, сильнее сжимая её подбородок. — Огромная ошибка.

— Магнус...

— Тише, — протянул он, качнув головой. — Не смей сейчас оправдываться.

Гизала впервые за всё время их брака почувствовала настоящий страх перед этим мужчиной. Она видела его ярость, знала его силу, видела, как он сражался, как поднимал топор против врага и как одним ударом мог свалить человека с ног, однако никогда прежде эта сила не была направлена на неё. Теперь Магнус стоял так близко, что она слышала его тяжёлое дыхание, и впервые не знала, что он сделает дальше.

— Я любил тебя, — голос дрогнул, и пальцы на её подбородке на мгновение ослабли. — Так сильно тебя любил, Гизала.

Из глаз Магнуса медленно скатилась слеза. Он не вытер её, лишь продолжал смотреть на женщину перед собой, пытаясь найти в её лице хоть что-нибудь от той Гизалы, которую когда-то выбрал своей женой.

— А теперь я тебя ненавижу.

Гизала замерла.

— Ненавижу тебя, Гизала, — повторил он уже почти беззвучно.

Он отпустил её и отступил на шаг, тяжело проведя ладонью по лицу. Ему больше нечего было ей сказать. Всё, что могла сделать эта женщина, она уже сделала, и теперь последствия её решения ложились на него.

Магнус до сих пор не мог понять одного: как Гизала могла забыть, кто такой Вигго и что он сделал? Как ненависть к собственной дочери могла оказаться настолько сильной, чтобы она сама отправила Далию в руки человека, которого сле-

довало держать от неё подальше любой ценой?

Он покачал головой, потёр переносицу и отвернулся. Ещё одна минута рядом с Гизалой, и он мог совершить то, о чём потом пришлось бы сожалеть. Магнус развернулся и вышел из дома в чём был, не взяв ни плаща, ни оружия, лишь бы как можно скорее оказаться подальше от этой женщины.

Гизала осталась у стены, прижавшись к ней спиной и не сводя взгляда с двери, за которой исчез Магнус. Она хотела последовать за ним, остановить, объяснить, заставить выслушать её, однако ноги не слушались. Страх всё ещё держал тело в оцепенении, а внутри медленно поднималось другое чувство, раздражение от того, что Магнус осмелился отвернуться от неё, не приняв её решение.

Прошло несколько минут, дверь вновь распахнулась, выпуская в дом холодный ночной воздух Хедебю.

— Мама...

Тихий голос раздался из дверного проёма. В нём Гизала узнала Далию ещё до того, как подняла глаза, и тогда страх исчез. Его вытеснила ненависть настолько сильная, что на мгновение Гизала действительно почувствовала готовность убить собственную дочь.

ГЛАВА 7. Последний поклон перед бурей

Сколько лет можно прожить рядом с человеком, которого считал родным? Двадцать, тридцать, сорок? Магнус не раз задавал себе этот вопрос, но теперь не находил на него от-

вета. Как тот, кому однажды отдал сердце и с кем разделил столько лет жизни, может поднять против тебя отравленный клинок, а потом безжалостно растоптать всё, что когда-то было между вами? Он простил Гизалу после разговора у валуна, остался с ней, хотя уже тогда чувствовал, насколько глубока пропасть между ними, и всё же именно она снова предала его, поставив под удар не только их брак, но и жизнь собственной дочери.

Магнус прекрасно понимал, чем может закончиться её игра. Вигго не был ни добрым, ни справедливым человеком, и опасаться его имелись все основания. Он был конунгом Хедебю, человеком, чьего приказа подданные боялись слушаться, а тех, кто всё же решался переступить его волю, редко ждало что-нибудь хорошее.

Жители Хедебю давно уснули, когда Магнус вышел из дома и направился к лесу. Он шёл знакомой тропой через поле, где высокая трава доходила до пояса и цеплялась за голые ноги, оставляя на коже холодную влагу. Ночь стояла тихая, только ветер проходил по траве, а из глубины леса время от времени доносилось уханье совы. Магнус шёл всё дальше, не разбирая дороги, пока знакомые очертания деревьев не сомкнулись вокруг него.

В этой темноте было что-то мучительно знакомое, и от этого становилось ещё тяжелее. Когда-то его любовь к Гизале казалась такой же незыблемой, как земля под ногами, теперь же она медленно угасала, оставляя после себя пустоту,

которую уже нечем было заполнить.

С каждым шагом грудь сдавливало сильнее. Внутри всё жгло, под рёбрами болезненно сдавило. Магнус остановился, прижал ладонь к груди и попытался выровнять дыхание. Один удар, второй, третий. Постепенно напряжение немного отпустило, но вместе с ним пришло другое чувство — горечь от осознания того, что любовь, которую он столько лет считал частью себя, действительно умирала.

Он опустил руку и медленно покачал головой.

— За что боги меня наказали? — голос сорвался, когда он ударил кулаком по ближайшему кусту, и по ночной тишине прошёлся треск веток. — За что они меня наказывают?

Ответа не было. Ветер прошёлся по верхушкам деревьев, сова снова подала голос, и Магнус раздражённо сжал челюсть, продолжая идти.

Когда впереди показался знакомый дом, он замедлил шаг. В окнах ещё теплился слабый свет, а за дверью наверняка были люди, которые знали его достаточно хорошо, чтобы не задавать лишних вопросов. Магнус поднял руку, собираясь постучать, но остановился, так и не коснувшись дерева. Пальцы сжались в кулак и медленно разжались.

Ему хотелось войти. Сесть у очага, согреть промёрзшие ноги, услышать знакомый голос и хотя бы на несколько часов перестать держать всё в себе. В доме Сигни и Бьёрна ему не пришлось бы притворяться сильным — они знали его слишком давно, чтобы требовать от него стойкости там, где сил

уже почти не осталось. Но стоило Магнусу представить, как он переступает порог, как внутри поднимался стыд, и ноги будто сами не давали ему сделать этот шаг.

Перед глазами возник охотничий домик, где можно было переждать ночь в одиночестве, или тёмный берег, на котором шум волн заглушил бы любые мысли. Он мог уйти туда, остаться один, дать себе время прийти в себя и никому не показывать того, что сейчас происходило внутри.

Рука снова поднялась к двери и снова опустилась.

Магнус закрыл глаза. Ветер шёл между деревьями, шуршал листвой и бил в лицо холодом, и ему на мгновение почудилось, что ночь смеётся над ним, напоминая, насколько жалким он стал в собственных глазах. Может, смеялся вовсе не ветер, а сама судьба, которая после стольких лет наконец решила потребовать с него плату за всё, что он когда-то считал своим счастьем.

— Магнус...

Мягкий голос раздался совсем рядом, и он открыл глаза. Сигни стояла в дверях, кутаясь в одежду от холода.

— Что-то произошло?

Он хотел ответить, но слова застряли в горле, только посмотрел ей в глаза, Сигни сразу заметила влагу, блеснувшую в его взгляде. Магнус отвернулся, собираясь уйти прежде, чем она увидит его таким, и прежде, чем Бьёрн проснётся и станет свидетелем его слабости. Но Сигни не позволила ему уйти. Она вышла на крыльцо, схватила его за руку и крепко

сжала пальцы на его запястье.

— Идём.

Магнус даже не успел возразить, когда она потянула его за собой. Сигни пришлось приложить немало силы, но она не отпустила его, пока не затащила в тёплый дом. Магнус удивлённо посмотрел на неё: он и сам хотел войти, просто не позволял себе этого из-за гордости, а теперь хрупкая на вид женщина без лишних вопросов сделала за него то, на что он не решался.

Очаг почти погас, поэтому Сигни сразу присела рядом, подбросила сухих поленьев и раздула тлеющие угли, пока пламя вновь не поднялось и не осветило комнату тёплым светом. Магнус стоял неподвижно, босой, в свободных штанах и тонкой рубаше, промокшей от ночной травы. Сигни заметила его ноги и тихо ахнула, после чего поспешила принести старые, но крепкие кожаные башмаки Бьёрна.

— А ну, немедленно обуйся! Не хватало ещё, чтобы ты слёг с горячкой.

Она поставила обувь перед ним и тут же накинула ему на плечи тёплую шерстяную накидку. Магнус хотел поблагодарить её, но вместо слов лишь тяжело выдохнул и сел ближе к очагу. Тем временем Сигни прошла к спальне и разбудила мужа. Бьёрн сначала не понял, зачем жена подняла его среди ночи, сонно сел на постели, провёл ладонью по растрёпанным волосам, но стоило ему услышать имя друга, как сон исчез с лица. Он быстро оделся и вышел в комнату, где Магнус

уже сидел у огня.

— Возьми. — Сигни протянула ему деревянную кружку с элем.

Магнус благодарно кивнул и обхватил кружку ладонями, согревая пальцы. Сигни налила эля и Бьёрну, а тот, принимая кружку, мягко поцеловал её руку.

— Спасибо, дорогая.

Она улыбнулась ему, подбросила в очаг ещё одно полено и села напротив мужчин, отпивая из своей кружки.

Некоторое время трое молчали. Пламя потрескивало, освещая лица и стены, за которыми Хедебю давно погрузился в сон. Бьёрн несколько раз переводил взгляд с Магнуса на Сигни и обратно, не решаясь первым нарушить тишину. Он слишком хорошо знал друга, чтобы не понимать одного: если тот пришёл к ним среди ночи босым, значит, произошло нечто серьёзное.

Бьёрн потёр переносицу, прочистил горло и наконец коснулся запястья друга.

— Магнус, друг мой, — тихо сказал он с осторожной улыбкой. — Ты ведь знаешь, что можешь рассказать мне всё, что угодно. Я выслушаю тебя, дам совет, если он тебе понадобится. Ну, а если нужно кого-нибудь убить, с этим я тоже помогу с радостью.

На губах Магнуса впервые за всю ночь появилась слабая усмешка. Он покачал головой, сделал глоток эля и снова посмотрел на огонь. Бьёрн дождался, пока тот поставит кружку

на колено, и уже мягче добавил:

— Тогда рассказывай.

Магнус не стал больше молчать. Он начал издалека, с тех времён, когда Сигурд ещё был жив, а братская связь казалась ему крепче любой цепи, выкованной в недрах Свартальвхейма. Он вспомнил Оддгейра, те годы, когда тот ещё был рядом, и день, когда Гизала впервые появилась в его жизни. Вспомнил, как всё начиналось, как постепенно менялось, как любовь заставила его закрывать глаза на то, что прежде он никогда бы не простил другому человеку. Он рассказал им обо всём: об измене, о Бриде, о Сигурде, о собственных ошибках и о той боли, которую столько лет прятал за молчанием. Впервые за долгие годы Магнус позволил себе говорить открыто, не подбирая слов и не скрывая того, что действительно чувствовал.

Он говорил негромко, время от времени делая глоток эля и не отрывая взгляда от огня. Пламя потрескивало в очаге, бросая на стены дрожащие тени, а его лицо то озарялось светом, то вновь уходило в полумрак.

— Зная правду... — Магнус замолчал, сглотнул вставший в горле ком и провёл ладонью по лицу. Несколько мгновений он смотрел на огонь, собираясь с силами, после чего продолжил: — Зная всё ещё в тот год, когда умер Сигурд, я всё равно продолжал её любить. Я продолжал чтить память брата, хотя он предал меня. Помнил Бриду, хотя она не была моим ребёнком. Великие боги... — глухо произнёс он, стис-

нув кружку так сильно, что побелели костяшки пальцев. — Неужели всего этого было мало? Неужели всех этих лет, всех жертв, всего того, что я отдал этой семье, недостаточно, чтобы она хотя бы раз подумала обо мне?

Сигни и Бьёрн молчали, им впервые нечего было ответить человеку, который обычно держал любую боль при себе и не позволял даже самым близким увидеть, насколько глубоко она его ранила. Они знали Гизалу с детства, знали её характер и знали о том, что происходило много лет назад, но услышать теперь всё это от Магнуса было совсем другим делом.

— Магнус, — наконец заговорила Сигни, привлекая к себе его внимание. — Гизалу я знаю давно. Наши родители дружили, но мы с ней никогда не были близки. Мы скорее соперничали, и я слишком хорошо помню, какой она была.

Она ненадолго замолчала, погружившись в созерцание огня, и медленно обхватила пальцами край кружки.

— Гизала всегда была дерзкой, наглой и упрямой, особенно когда хотела получить желаемое, — продолжила Сигни уже спокойнее. — Ты сам знаешь, что они с Ингви вытворяли. Те вещи были недопустимы даже тогда. Они связывались с обрядами, которых следовало избегать, шептали заговоры, вмешивались в чужие дела, и однажды всё это закончилось смертью девушки.

— Сигни, не стоит возвращаться к тем годам, — нахмурился Бьёрн, предупреждающе посмотрев на жену.

— Нет, Бьёрн. Именно сейчас стоит, — возразила она,

не повышая голоса. — Вы с Магнусом всегда видели в ней то, что она хотела вам показать. Красивую, мягкую, нежную женщину, которой достаточно было улыбнуться, чтобы ей поверили. Я же видела другую Гизалу. Она всегда добивалась своего и умела заставить людей делать то, что ей нужно.

Сигни перевела взгляд на Магнуса.

— Она играла тобой, Магнус. И Сигурдом тоже. Только ты понял это слишком поздно.

— Сигни, — резко произнёс Магнус, пристально глядя на неё. — Если ты пытаешься сказать, что я был полным болваном, можешь не продолжать. Я и сам прекрасно понимаю, где оказался и кто привёл меня сюда.

Он провёл ладонью по лицу и тяжело выдохнул.

— Но тогда я любил её. Понимаешь? Любил настолько, что предпочитал не замечать того, что видел собственными глазами. Я знал. Слышишь? Знал, что они с Ингви делали. Знал, что за ними тянется, но ничего не менял.

В комнате вновь повисла тишина. Прошрое действительно осталось далеко позади, но ни один из них не мог сделать вид, что его никогда не существовало. Те годы оставили после себя слишком много смертей, обид и тайн, чтобы просто стереть их из памяти. Магнус когда-то заставил себя закрыть эту дверь, простить тех, кого мог простить, и оставить остальное богам. Иначе он не смог бы жить дальше в Хедебю, где каждый знакомый дом и каждый человек напоминали о тех днях.

Он долго верил, что Гизала станет для него спасением, что рядом с ней сможет оставить всё позади и наконец обрести ту жизнь, о которой когда-то мечтал. Теперь он понимал, насколько жестоко ошибался. Женщина, которой он доверил своё сердце, не исцелила его старые раны — она сама стала новой раной.

— Ты прав, Магнус, — тихо сказала Сигни. — Я не должна была поднимать те годы.

Она ненадолго опустила виноватый взгляд, а затем снова посмотрела на него.

— Но я не понимаю другого. Ты сказал, что давно узнал об измене Гизалы, и я знаю, что после этого вы разговаривали. Так почему ты пришёл сюда именно сегодня? Что произошло?

Магнус медленно выпрямился. Он поставил кружку на пол возле стула и скрестил руки на груди, несколько мгновений глядя перед собой. До этой минуты он говорил о том, что уже произошло, о том, что годами носил внутри. Теперь же предстояло рассказать то, ради чего он среди ночи пришёл к друзьям босым, не думая ни о холоде, ни о собственном достоинстве или здоровье.

— Она явилась к Вигго.

Сигни замерла, Бьёрн перестал двигаться, его пальцы медленно сжались на краю стула. Одного имени хватило, чтобы в доме стало неуютно тихо.

Вигго.

Для каждого из них это имя принадлежало прошлому, о котором не хотелось вспоминать. В нём были Сигурд, Бьёрн, Сигни, Тайр, Маргрит, Оддгейр, Эйстур, Раун, Асе и многие другие, чьи судьбы когда-то пересеклись в Хедебю. Слишком много людей осталось позади, и слишком многое было сделано, чтобы произнести это имя без ужаса в груди.

Обведя друзей взглядом, в отражении огня он видел, как изменились их лица.

— Гизала заключила с Вигго союз, — он сделал паузу, и горькая усмешка тронула губы. — Она отдала ему нашу дочь в жёны.

Впервые за столько лет дружбы Магнус слышал, как Сигни ругается. Она не стеснялась в выражениях и выплёскивала всё, что накопилось внутри, так яростно, что Бьёрну пришлось несколько раз одёрнуть её, прежде чем женщина наконец замолчала. Сам он тоже был далеко не в восторге от услышанного и долго сидел, хмуро глядя в огонь.

— Успокойся, дорогая, — тихо попросил Бьёрн, поглаживая её руку. Он уже пересел ближе, стараясь удержать жену от нового приступа гнева. Затем посмотрел на Магнуса: — Я, в сущности, согласен с Сигни. Чем она думала, когда пошла к Вигго? Неужели забыла обо всём, что произошло?

— Гизала думала только о том, как избавиться от Далии, — ответил Магнус, криво усмехнувшись. — Дагейд рассказывала, что Гизала ревнует меня к дочери. Ей не давало покоя, что я люблю Далию, провожу с ней время и почти не

замечаю жену. Только Гизала не хочет видеть собственной вины. Если бы с самого рождения Далии она относилась к ней иначе, я, может быть, ещё смог бы понять её обиду. Но она сама отталкивала меня, сама пыталась избавиться от дочери и сама же разрушала всё, что между нами оставалось.

Сигни задумчиво потёрла переносицу и на несколько мгновений замолчала. В памяти всплыли слова, которые она недавно услышала во дворе чертога конунга. Она долго не решалась заговорить о них, понимая, что произнесённое вслух может обернуться бедой, однако после того, что рассказал Магнус, молчать стало бессмысленно.

— В городе стали поговаривать о наклонностях Вигго, — наконец произнесла она. Мужчины одновременно посмотрели на неё. — Вы ведь понимаете, о чём я?

Оба молча кивнули.

— Первой заговорила служанка его жены, Одри. Она пустила слух среди женщин, те разнесли его дальше, и теперь об этом шепчутся по всему Хедебю. Только народ у нас не глупый: каждый знает, что будет, если Вигго услышит своё имя в чужих разговорах. За такие слова он способен отнять не только язык.

Бьёрн нахмурился, поднялся и, обойдя очаг, сел рядом с Магнусом.

— И что именно говорят?

Сигни перевела взгляд на мужа, затем на Магнуса.

— Вы помните первую жену Вигго? Эйвор была ещё со-

всем девчушкой, когда её привели в его дом. Молодая, красивая, стройная, совсем неопытная. Через полгода после свадьбы она умерла.

— От болезни, — тихо добавил Бьёрн.

— От какой?

Ответа не последовало, и Сигни медленно покачала головой.

— Вот именно, никто уже и не помнит. Слишком давно это было, а имя Эйвор почти исчезло из разговоров. Только причиной её смерти была вовсе не болезнь. Её убил Вигго.

В комнате стало тихо.

— Когда тело готовили к церемонии, одна из служанок увидела нечто страшное. Позже она рассказала другой женщине о том, что заметила ссадины, порезы и следы побоев. Но больше всего её поразила шея...

Сигни запнулась, провела ладонью по своему горлу и только после этого продолжила:

— На коже остались следы его пальцев. Вигго задушил её.

Последние слова прозвучали почти неслышно, но от них стало холоднее, чем от ночного воздуха за дверью. Сигни обхватила себя руками и отвела взгляд к огню, пытаясь избавиться от образа, который слишком ясно возник в её голове.

— И это было не единственное, — продолжила она после долгой паузы. — Говорят, он издевался над ней ещё до смерти. Избивал, унижал, заставлял стоять на коленях перед ним. Он пользовался тем, что она не могла ему сопротивляться,

и никто не смел вмешаться. То, что происходило за дверями его покоев, знали немногие. Те, кто знал, молчали, потому что прекрасно понимали: стоит этим словам выйти наружу, и Вигго тут же найдёт виновного.

Она посмотрела на Магнуса и Бьёрна.

— Поэтому больше никому об этом не говорите, даже между собой. Если он узнает, что я рассказывала вам, Вигго не станет разбираться. Он просто убьёт меня.

Ни один из мужчин не ответил, они слишком хорошо знали, на что способен Вигго. Когда-то его жестокость казалась частью воина, человека, который не отступает перед врагом и не боится пролить кровь. Теперь они понимали, что дело было вовсе не в воинской суровости.

Вигго нравилось видеть, что люди уступают ему. Нравилось осознавать, что достаточно одного его слова, чтобы чужая воля сломалась. Для него власть давно перестала быть обязанностью конунга и превратилась в удовольствие, которое он не собирался себе отказывать.

Магнус тяжело выдохнул и прикрыл глаза. Перед ним на мгновение возник совсем другой Вигго — тот, с которым они когда-то делили один костёр, ходили в походы и прикрывали друг другу спины в бою. Были времена, когда Магнус не сомневался в нём и готов был поставить собственную жизнь на его слово. Вигго отвечал ему тем же. Тогда они ещё верили, что братство, скреплённое кровью и пережитой вместе опасностью, невозможно разрушить.

Оказалось, возможно.

— Вигго был мне дорог... — голос Магнуса стал тише, и он нервно потёр ладони. — Пусть теперь он мой господин, но я не подчинюсь его воле. Далия не вещь, которой можно распорядиться ради чужих желаний. Она должна сама решить, за кого ей идти.

— Но Гизала лишь предложила, — осторожно напомнил Бьёрн. — Вигго ведь ещё не дал ответа?

Магнус поднял глаза, на его лице появилась горькая усмешка.

— Дал.

Бьёрн напрягся.

— Какой?

Магнус несколько секунд молчал, глядя на огонь, а затем произнёс:

— Вигго согласен.

Солнце уже взошло, но его свет так и не коснулся земли. Над морем глухо ворчал гром, и Магнус невольно поднял взгляд туда, где за серой пеленой скрывался Асгард. Где-то там Тор уже собирал гром в ладонях, а Один с высоты Хлидскальва видел то, чего людям ещё не дано было знать. Оставалось лишь гадать, кому из богов угодно было испытать людей в этот день и на кого обрушится их кара.

— Как это символично, — прошептал он с горькой усмешкой.

Перед дорогой он окунулся в ледяную воду, лишь бы поскорее смыть воспоминания. Вода обожгла кожу, заставила сердце сжаться, но вместе с тем выжгла туман из головы. Тепло покрылось мурашками, капли стекали по светлым прядам, оставляя холодные дорожки на шее и плечах. Он резко встряхнулся, быстро обтёрся и, не теряя больше ни минуты, оделся и, не удостоив вниманием накрытый для него завтрак, шагнул за порог. Дом Бьёрна Одноглазого остался позади — тёплый, безопасный и уютный. Там Сигни готовила еду, любила мужа и сына, пока его собственный дом превратился в настоящее поле боя, где выживет только сильнейший.

Накануне Сигни настояла, чтобы он остался на ночлег. Бьёрн выложил мягкие и лучшие шкуры, стараясь дать другу хоть крупицу уюта, но сон к нему так и не пришёл. Только короткие, рваные видения: то лицо Гизалы, искажённое зло-радной усмешкой, то руки Вигго, сжимающие чью-то шею, то далёкий женский крик. Он просыпался в липком поту, прислушивался к собственному дыханию и понимал, что покоя этой ночью точно не будет.

Прибыв на место, Магнус решительно проследовал внутрь чертога. Двое мужчин среднего роста, похожих друг на друга настолько, что их можно было принять за отражения, распахнули величественные двери. Астор, голубоглазый и темноволосый, лет двадцати пяти, и его брат Ансгар — такой же, лишь оттенок глаз чуть темнее, напоминающий предгрозовое небо. Лет пять или шесть тому назад именно

Магнус учил их сражаться. Тогда эти двое смеялись, на потеху остальным веселили всех, а потом наперебой рассказывали истории, которые где-то слышали или пережили сами, спеша поделиться ими с Магнусом. Тогда и Магнус был для них наставником, а сейчас что-то изменилось.

Теперь при виде него братья лишь почтительно склонили головы, отступая в стороны и освобождая дверной проём, чтобы он мог пройти. Ни улыбки, ни прежнего приветствия больше не осталось. Магнус ухмыльнулся и разочарованно покачал головой, заходя внутрь. Он миновал большой зал и оказался в помещении средних размеров. В центре стоял длинный и узковатый стол, на ножках которого виднелись зарубины. Магнус не стал больше думать о братьях, отвернувшихся от него. Он знал, чьих это рук работа, и всё же было обидно. Столько лет служить своему народу и получить взамен такое безразличие.

— Забудь, — шепнул он, поправляя волосы и вновь смотря на стол, за которым сидели двое мужчин.

Во главе восседал Вигго, а по левую руку от него — его брат. Конунг жевал мясо и запивал его терпким элем, пока Тайр с привычной ему ухмылкой что-то бормотал, кривя лицо каждый раз, когда Вигго бросал на него взгляд. Магнус не остался незамеченным. После очередной фразы Тайра Вигго махнул ему рукой, повернул голову в его сторону и тут же повеселел, указывая на стул справа от себя.

— Приветствую тебя, мой господин! — сказал Магнус, не

склоняя головы, усаживаясь за стол.

Лишь он и Тайр могли позволить себе не склоняться перед конунгом.

— Магнус, — протянул Вигго с широкой улыбкой. — Мой дорогой друг, ты сегодня завтракал? Ты голоден? Может, вкусишь это сочное мясо утки? Давай, отведай...

С неподдельной радостью и воодушевлением вещал Вигго. Глаза его блестели лихорадочным огнём, а широкая улыбка обнажала ряд ровных зубов. Он проворно подхватил кусок утки с блюда и игриво протянул его Магнусу, словно делился добычей на пиру. В этот миг он походил на беззаботного и восторженного ребёнка, готового заразить всех своим весельем. Но Магнус знал, что за этой детской непосредственностью таится нечто иное. Вигго умел меняться в одно мгновение — из смеющегося товарища превращаться в хищника, чьи когти уже впивались в плоть.

— Нет, — раздался лёгкий смешок. — Я не голоден.

— Кажется, ты не просто так заглянул ко мне, — задумчиво произнёс Вигго, вонзая зубы в кусок мяса. — Твои родные в последнее время часто напоминают мне о себе, и я подозреваю, что твой визит связан с моей грядущей свадьбой. Мы скоро породнимся. Ты доволен?

Вигго посмотрел Магнусу прямо в глаза, и в этом взгляде на миг промелькнуло что-то холодное и режущее. Он резко откинул кость дичи на тарелку, та ударилась о глину с глухим стуком. Неторопливо, с нарочитой размеренностью, он

вытер жирные губы тыльной стороной ладони.

— Хотя о чём это я, — голос его прозвучал мягко, почти ласково, но в этой мягкости таилась угроза. — Мы ведь уже давным-давно семья, не так ли, Магнус?

Повисла пауза, тягучая, как смола. Она липла к коже, забивала лёгкие, заставляла каждый вдох рвать грудную клетку. Магнус почувствовал, как к горлу подступает ком.

Их связывало непростое прошлое — в нём были Оддгейр, мать и синеглазая девчушка, чья жизнь оборвалась, когда Магнусу было всего шестнадцать лет. Он до сих пор видел её ясные и доверчивые глаза. Они преследовали его каждую ночь, не давая забыть ни на миг о том дне. В них не было страха, только вера в него. И именно это причиняло больше боли, потому что Магнус винил себя в её смерти, винил в том, что не успел её защитить. Как и Тайр, сидевший напротив, он носил в себе эту боль, только у Тайра она давно обернулась ненавистью к Магнусу.

— Закрой рот, Вигго, — прошипел Тайр, отбивая нервный ритм пальцем по столу. Он ненавидел, когда брат задевал эту тему, и готов был разбить ему нос, лишь бы тот замолчал и не играл в свои игры, затрагивая святое.

В глазах Вигго мелькнул хищный огонёк. Он чувствовал напряжение и упивался им. Магнус знал: этот человек умел превращать чужую боль в своё развлечение, и сейчас ждал, когда кто-нибудь сорвётся и даст ему повод выпустить зверя.

— Однако мне интересно, почему пришла твоя жена, а не

ты сам? — задумчиво произнёс Вигго, вновь отрывая зубами кусок утки и неторопливо пережёвывая. Жир блестел на его пальцах, он лениво вытер их о край полотна. — Ах, понимаю, ты, наверное, был слишком занят?

Вигго поднял глаза на Магнуса, и в уголках губ заиграла тонкая, насмешливая улыбка.

— Понимаю, — чавкая, произнёс Вигго, наслаждаясь мясом, приготовленным его женой. — Ты, вероятно, был слишком занят, всё же не последний человек в Хедебю. Небось, до сих пор к тебе идут люди, чтобы ты изготовил им оружие? Не так ли?

— Нет, мой господин, — отрезал мужчина. — Я давно не занимаюсь созданием оружия, всё как-то руки не доходят.

— Тогда сделаешь мне меч? Мой безнадежно мне надоел, хочу себе ещё один — да такой, которого нет ни у кого.

— Хорошо, мой господин, я выполню ваш приказ.

— Ну нет, — протянул Вигго, кривясь. — Это не приказ, друг мой, а просьба.

Но Магнус знал: Вигго больше ничего не просит. Это лишь пыль, под которой прячется его приказ, и если не послушаться, то даже Магнус, которого Вигго любит, понесёт наказание.

— Так почему ты не пришёл сам?

— Я...

— Можешь не говорить, понимаю, дела, а времени на старого друга, да ещё с таким щедрым предложением, и нет.

Вигго играл Магнусом, и только дурак мог не понять, что происходит в этом маленьком зале, где сидели трое. Он снова ухмыльнулся, пережёвывая мясо, давая понять, что разговор закончен и в нём опять выиграл конунг. Магнус долго смотрел на него, прикусив язык. Ему хотелось так многое высказать Вигго в лицо, но он боялся, что за его несдержанность ответит его дочь или семья Бьёрна. Поэтому он лишь кивнул, соглашаясь с Вигго, и стал обдумывать, как начать разговор, который всё равно должен был состояться сегодня.

Челюсть Магнуса едва заметно напряглась. Он медленно сжал зубы и стал ритмично постукивать указательным пальцем по бедру, отбивая глухой, раздражённый такт. Вигго продолжал говорить — то о почёте, то о планах, то о войне, то о том, как он устал, то о грядущей свадьбе, — и в какой-то момент Магнус почувствовал на себе тяжёлый взгляд.

Подняв глаза, он встретился с Тайром — братом конунга. Тот сидел напротив, почти не двигаясь, и смотрел прямо на него. В его взгляде не было ни дружелюбия, ни тепла, только голодная, яростная ненависть. Наклонившись, Тайр ухватил кувшин и кубок, налил эля и, отпив, облизал губы, широко ухмыляясь.

— Твоя дочь очень мила, — сладко протянул он, вертя кубок с элем. — Думаю, мы с Далией сможем найти общий язык и подружиться.

Магнус сразу услышал в его словах вызов, но, сжав кулаки, лишь невинно улыбнулся, хотя внутри всё горело огнём.

Он хотел накинуться на Тайра, носившего славу бабника, и избить его, чтобы тот больше не смел говорить о его дочери в таком пошлом тоне.

— Помнишь, как ты однажды подружился с нашей младшей сестрой? — невинно хлопая ресницами, добавил Тайр.

Но Магнус и здесь не повёлся на уловку Тайра, который только и ждал, чтобы тот на него накинулся. Мужчина лишь покачал головой, вновь обратившись к Вигго. Тот с интересом, приложив кубок к губам, наблюдал за происходящим. Эти братья стоили друг друга. Магнус никогда не встречал таких подлых и хитрых людей, как они.

Пытаясь забыть слова Тайра, Магнус начал говорить сдержанно, тщательно взвешивая каждое слово, ведь знал, что одно неверное движение или резкая интонация, чертог вспыхнет от гнева Вигго. Говоря, он надеялся, что Вигго поймёт старого друга, его тревоги и мотивы, но с каждым словом тот всё сильнее хмурился, сжимая кулаки.

— Магнус, — произнёс Тайр, смакуя вязкое имя. — А, Магнус. Как же так? Ты, Магнус Бесстрашный, прославленный воин во всей Скандинавии и преданный муж, не в курсе, чем занимается супруга? — на лице Тайра заиграла ехидная улыбка, каждое слово звучало с явной насмешкой. — Ты либо лжец, либо просто распустил Гизалу?

Тайр наклонился вперёд, опираясь локтями на стол.

— Может быть, я займусь ею? Я могу сделать её более покладистой. Как ты смотришь на это? А?

Магнус одарил его благосклонной улыбкой, в которой сквозила угроза.

— Вигго, а твой брат не изменился, — Магнус прищурился, рассматривая лицо Тайра. — Может быть, мне снова стоит преподать тебе урок? Надрать зад, как пятнадцать лет назад?

Уже переведя взгляд на Вигго, Магнус понял, что тратить время на Тайра бессмысленно. Тот всегда выходил из себя, стоило Магнусу не поддаться на его колкости, и каждый раз всё заканчивалось одним и тем же — Тайру не терпелось пустить в ход кулаки.

За столом раздалось громкое раздражённое фырканье.

— Мой господин, я уважаю тебя, но твой брат ведёт себя хуже обиженного ребёнка. Гизала всё же моя жена, и никто не смеет говорить о ней в таком тоне, даже Тайр! Поэтому прошу наказать его.

Рука Магнуса, словно в танце, изящно скользнула вдоль правого бока, неспешно приближаясь к массивному кожаному ремню. На нём был закреплён остро заточенный топор, столь любимый им. Лёгким, обманчиво небрежным движением он едва коснулся лезвия, прямо говоря о своих намерениях.

— Вигго! — прорычал Тайр, смотря на брата, который прикрывал улыбку рукой.

Он резко встал из-за стола, отчего стул с грохотом упал на пол. Ноздри его гневно раздувались.

— Я убью тебя.

— А ты попробуй, — спокойно парировал Магнус, развалившись на стуле.

Тайр дёрнулся вперёд, стиснув зубы.

— Мне и пробовать не нужно. Я прикончу тебя, Магнус. Сотру эту ухмылку с твоего лица и буду смотреть, как из тебя выходит кровь. Ты...

Вигго, не дав Тайру завершить фразу, с силой ударил кулаком по столу. Удар отдался глухим звуком в небольшом помещении.

— Пошёл вон! — произнёс он сурово. Однако мужчина не подчинился, чем вызвал ещё большую злость конунга. — Я сказал, пошёл вон! Брат.

Решение брата явно пришлось Тайру не по душе. Он закусил нижнюю губу и с силой оттолкнул кубок. Тот глухо ударился о каменный пол, расплескав эль, и отлетел в сторону. Выругавшись сквозь зубы, Тайр резко поднялся и направился к тёмному коридору, так и не бросив брату ни слова. Шаги гулко отдавались под сводами, пока наконец не стихли в глубине чертога.

— Прости моего брата, ты ведь знаешь, он порой вспыльчив. А после того, как Асе... умерла, Тайр и вовсе стал неуправляемым.

Отодвинув тарелку с едой, Вигго понял, что больше не испытывает голода. Он вытер жирные руки о серое полотно и небрежно бросил его на стул брата, валявшийся на полу. По-

массировав переносицу, Вигго устремил взгляд на Магнуса и скрестил руки на груди. В глазах его уже не было прежней искры веселья — вместо неё затаилось недовольство.

— Итак, Магнус, к чему ты клонишь?

— Вигго, я знаю тебя не первый год, как и ты меня, — начал мужчина, опираясь локтями на стол. — Ты знаешь мои взгляды и через что я прошёл, когда ты...

Вигго резко ударил ладонью по столу, обрывая его.

— Мы не будем говорить об этом! — грубо остановил он, смотря исподлобья на друга.

Магнус нехотя, но склонил голову в знак согласия. Хотя, если честно, ему хотелось обсудить это — так же, как и Вигго.

— Твои чувства к моей дочери усложняют всё, что нас окружает, — голос Магнуса звучал твёрдо, без намёка на уступку. — Я понимаю, почему она тебя заинтересовала. В ней есть то, чего не сыщешь в других. Но знай: я не дам согласия на этот брак ни сейчас, ни позже. Она должна сделать свой выбор самостоятельно. А сейчас получается, что ты хочешь заставить её стать твоей женой, одновременно избавляясь от Маргрит.

— Кто сказал, что я заставляю её? — в голосе Вигго мелькнуло раздражение. — А что до Маргрит — не твоего ума дело.

— Моя дочь лично тебе говорила, что хочет за тебя?

— Нет, — протянул Вигго.

— Значит, это всё равно что насильно выдать её за нелюбимого. На такое я не пойду. Счастье дочери дороже всего на этом свете.

В глазах Вигго промелькнуло что-то непонятное. Гнев? Обида?

— Отказываешь мне? — нервно произнёс он.

— Да.

Сжав кулаки сильнее, Вигго медленно прохрустел пальцами. Звук сухо разнёсся по небольшому помещению, где и без того царило напряжение. На миг он почувствовал острую, щемящую обиду — она впилась в сердце стальными когтями. Что бы ни случилось в прошлом, он любил Магнуса так сильно, что готов был бросить к его ногам весь мир. Магнус был его братом, был другом и, да, был врагом.

Сам того не понимая, Вигго почувствовал, как защипало в глазах. Влага смешалась с горечью и злостью. Неужели его друг так и не простил? Ведь этот союз мог вновь объединить их, вернуть то, что было потеряно, когда они ещё считали друг друга семьёй, когда Оддгейр был жив. Стиснув челюсть, Вигго хмыкнул и разорвал зрительный контакт с Магнусом.

— Ты уверен? — спросил Вигго с пренебрежением. — Этот союз мог бы обеспечить тебе достойное положение. Он даст тебе силу.

— Я принял окончательное решение.

Вигго издал пренебрежительный смешок.

— Ты многое теряешь, — прошептал конунг, ощущая, как

обида уступает место холодной злости. — Помни, кто стоит у власти... А теперь пошёл прочь!

ГЛАВА 8. Сплетённая месть

— Нет! — хрипло выдохнул Магнус.

Прошло несколько минут, но Магнус так и застыл на кровати, ощущая, как сердце тревожно колотится о рёбра. Он разлепил глаза, потёр их, затем осмотрел комнату. Он всё ещё был здесь — в своём доме, в своей постели. Проведя руками по груди, Магнус с облегчением выдохнул: она была цела, на коже не было ни ран, ни ссадин. Значит, это был всего лишь дурной сон.

— Тихо, — шептал он сам себе, скидывая покрывало и ставя босые ступни на прохладный пол. Магнус опёрся локтями о колени и прижал ладони к лицу, судорожно растирая его. — Всего лишь сон. Это был всего лишь дурной сон.

Этой ночью к нему вновь пришли видения, изрядно вымотавшие последние силы, которые и без того иссякали от страха за будущее. С момента отказа Вигго прошло две недели. Он больше не звал Магнуса в свой чертог, но и ничего не предпринимал. Магнус знал, что Вигго обиделся, поэтому, когда бывал в городе, старался лишний раз не попадаться ему на глаза, чтобы не терзать ни его задетое самолюбие, ни собственную душу, в которой вновь всколыхнулось прошлое.

Он думал о том, чтобы взять своих женщин и увезти их

подальше, но потом понял, что не может бросить свой дом. Здесь он вырос, здесь полюбил и здесь предпочёл бы состариться, а если боги тому позволят, и умереть.

Но сны всё терзали его каждую ночь. То чей-то крик, такой яростный, что от его громкости, казалось, могли лопнуть перепонки, то улыбка Вигго — с виду такая добрая и невинная, что от неё хотелось вырвать собственное сердце, — то далёкий звон цепей и зовущий голос. Сколько бы Магнус ни пытался идти на этот голос, он не мог найти человека, которому нужна помощь. В том лесу он всегда бродил один.

Последний раз растерев лицо, он оттолкнулся от постели и поднялся, быстро натягивая одежду. Потом обернулся и посмотрел на кровать — там спала Гизала. В тусклом лунном свете её лицо казалось совсем невинным, словно не она подставила Магнуса под удар. Морщинки будто исчезли, в волосах вновь появился блеск, на щеках проступил наливной румянец, а губы стали алыми. Всё напоминало ему первые дни их знакомства. Но если тогда он готов был броситься в зимнюю реку, чтобы достать её упавший платок, то теперь в его сердце ничего не отзывалось.

Схватив свой топор, он вышел на улицу и направился к мастерской — месту, где провёл большую часть жизни. Здесь стены помнили его молчание, а инструмент — каждое движение рук, раз за разом обрушивавших молот на раскалённое железо. Здесь он знал каждый запах: от угольного дыма, гари до металла и сырости, пробиравшейся с улицы в дни

дождя.

Распахнув дверь, Магнус зажёл факелы на железных держателях. Пламя дрогнуло, разбросав по стенам рваные тени. Холодный воздух ещё держался под потолком, смешиваясь с запахом старого дыма. Света было мало, и тогда он разжёл очаг в центре мастерской. Сухие щепки занялись не сразу, но вскоре угли вспыхнули алым, и огонь взметнулся, облизав почерневшие камни. В его свете заблестели молоты, клещи и заготовки, оставленные у наковальни. Магнус задержал на них взгляд, и на мгновение ему показалось, что здесь, среди железа и огня, прошлое не могло его настигнуть.

Спустя время звук молота о металл разорвал тишину мастерской. Каждый удар отдавался в стенах глухим эхом. В кузнице быстро становилось невыносимо жарко: от горна шёл сухой, обжигающий жар, пот заливал лицо и стекал по спине, но Магнус не останавливался. Он подхватывал раскалённую заготовку клещами, возвращал её на наковальню и вновь обрушивал молот на железо. С каждым ударом металл отзывался ярким звоном, вспыхивая россыпью искр.

Сведя брови, он ударил ещё раз и вновь задумался о сне, явившемся сегодня. Те же крики, те же улыбки мелькнули перед глазами и быстро исчезли. Но сегодня пришёл другой сон. Он отличался от прежних, но был не менее тревожным, словно предупреждение, которого Магнус пока не умел понять.

Во сне Магнус стоял высоко в небе, на самой вершине го-

ры, где царил один лишь холод. Пути назад не было: ни одна дорога не вела вниз, к земле, чтобы он мог вернуться. Над головой нависало тяжёлое свинцовое небо, затянутое облаками, и откуда-то с юга уже тянуло запахом грозы. Он сделал шаг вперёд, пытаясь рассмотреть, есть ли всё-таки путь, и сердце заныло: ещё немного, и он сорвётся вниз. Магнус пошатнулся и отступил от края обрыва.

Ему стало не по себе, хотелось бежать оттуда как можно дальше, лишь бы снова оказаться под солнцем, способным согреть лес и землю. Но здесь тучи сгустились всё плотнее, нависая над вершиной, и казалось, ещё немного, и они сомкнутся вокруг него, лишая воздуха. Он попытался развернуться и побежать, хотя знал, что путь вниз означал лишь падение. И всё же был готов рискнуть. В тот же миг молния ударила прямо перед ним. Магнус отпрянул и рухнул на землю. Небо ответило громом. Боги были недовольны его попыткой бежать, и спустя несколько ударов сердца хлынул ливень.

Магнус перевернулся и сел на колени, подняв раскрытые ладони к небу. Безжалостные капли били по лицу, стекали по волосам и одежде. Он смотрел вверх и хотел кричать, но всякий раз, открывая рот, не слышал собственного голоса. От этого страх становился ещё сильнее.

Он опустил взгляд и увидел, что в ладонях скопился вовсе не дождь. Там была тёплая, липкая алая жидкость, напоминавшая кровь. Она стекала между пальцами, собиралась

у ног в багряное озеро и медленно разливалась по земле, поглощая всё вокруг. Сердце сжалось от ужаса и непонимания. Чего от него хотят боги? Почему не дают покоя? Магнус осел ниже, опуская руки, и тело само подсказывало ему то, чего не желал признавать разум: пора прекратить эти пытки. Возможно, падение оборвёт эту муку и, возможно, кровь наконец перестанет течь...

Но внутри что-то воспротивилось, едва слышимый голос шептал, что сейчас не время, хотя Магнус не понимал, что это значит. Из последних сил он поднялся, отталкиваясь ладонями от влажной земли. Руки его были в крови.

И тогда в свинцовом небе, разразившемся громом Тора, появился просвет — небольшой, но достаточный, чтобы вселить надежду. Сквозь разрыв облаков пробился ослепительный бело-синий луч, переливавшийся голубыми и золотыми оттенками. Он рассёк мрак, и на миг Магнус ощутил тепло, проникающее в продрогшие кости.

Внутри света медленно проступил образ, напоминающий меч с богато украшенной рукоятью. По лезвию тянулись руны, незнакомые Магнусу, но от одного взгляда на них в груди поднимался первобытный страх, да такой, какого он прежде не знал. Клинок был длинным и острым, его поверхность отражала свет, словно зеркало, хранящее тайны веков.

Меч висел в воздухе перед ним, неподвижный среди бушующей бури, и будто предлагал выбор: схватиться за него или

позволить буре поглотить себя.

Распрямив затёкшую спину, Магнус отложил инструмент и размял кисти, осторожно вращая ими. После долгих часов работы в руках появилась тупая боль, и он скривил губы, но не пожалел о ней.

Ночь минула быстро. Магнус ковал почти без передышки, забыв о том, что так и не сомкнул глаз. Усталость давно наливалась тело тяжестью, но он лишь отмахивался от неё. Магнус никогда не жалел сил на создание оружия, однако этот клинок должен был стоять ему всего, даже здоровья. Он хотел, чтобы тот стал продолжением его руки, верным товарищем в бою, острым, надёжным и безупречно сбалансированным, способным сразить не одного противника на своём пути.

Тыльной стороной ладони мужчина вытер пот со лба, встряхнул головой, откидывая волосы за спину, и размял затёкшую шею. Когда он открыл дверь мастерской, в лицо ударил свежий прохладный воздух, после духоты кузницы он показался почти целительным. Ветер принёс запах влажной земли, травы и леса, напоминая, что за стенами уже рождался новый день.

Выйдя на улицу, Магнус ступил босыми ногами на влажную траву. Ботинки он снял ещё в мастерской и оставил у порога. Он устремил взгляд вдаль, там горизонт уже окрасился багряными тонами: красный рассвет медленно теснил ночную тьму, обещая скорый восход. Через пару часов солн-

це поднимется над лесом, но пока вокруг царила редкая тишина.

Магнус глубоко вдохнул, проглатывая комок в горле.

— За свою жизнь я видел столько рассветов, что и не сосчитать, — тихо произнёс он, шагнув вперёд. — Но этот... Он иной. В нём чувствуется перемена.

Умывшись у колодца, смывая с лица копоть и следы бессонной ночи, мужчина направился в дом. Тихо, стараясь не потревожить спящих, пробрался в комнату дочери. Застыв в дверном проёме, Магнус улыбнулся. В груди поднялось знакомое отцовское тепло, то самое, которое он испытывал всякий раз, когда смотрел на Далию и вспоминал, сколько лет ждал её появления.

Он моргнул, прогоняя влагу, выступившую в глазах. Память вернула его к тому дню, когда ему впервые доверили крошечное тельце. Он боялся даже пошевелиться, держал дочь так осторожно, будто одно неловкое движение могло причинить ей боль. Помнил её первый плач, запах детской кожи, тепло маленького тела у груди и то, как доверчивый взгляд впервые встретился с его глазами. А потом — крохотные пальцы, сомкнувшиеся вокруг его указательного пальца, первые звуки, первые шаги, первые падения, после которых она упрямо поднималась и снова тянулась к нему.

Годы прошли незаметно. Девочка, которую он когда-то носил на руках, выросла, научилась сама выбирать дорогу, спорить, падать и подниматься уже без его помощи. Но где-

то внутри Магнус всё ещё видел ту маленькую Далию, которая цеплялась за его палец и засыпала у него на груди.

Тихо ступая босыми ногами по прохладному деревянному полу, Магнус осторожно уселся на край кровати и нежно погладил дочь по лицу. Далия лежала на животе, уткнувшись щекой в меховую накидку. Брови её были нахмурены, веки подрагивали. Видимо, что-то тревожило её во сне, так же, как этой ночью тревожило его самого.

Дочь тихо сопела, и этот невинный звук наполнял комнату жизнью, делал её тёплой и настоящей. Магнус замер, впитывая каждое мгновение. В предрассветном полумраке её белоснежные волосы казались сотканными из лунного света. Они рассыпались по постели, небрежно свисали с края и почти касались пола. Магнус помнил, как в детстве осторожно расчёсывал их, боясь дёрнуть слишком сильно. Помнил её смех, когда Далия серьёзно уверяла, что волосы — это волшебные нити, связывающие её с богами.

Он едва заметно улыбнулся этому воспоминанию. Сейчас она выглядела такой же беззащитной, совсем не похожей на ту воительницу, которой ей предстояло стать. И в этом контрасте было что-то пронзительное: сила и хрупкость, сплетённые воедино. Магнус долго оберегал эту девочку, с тех пор как впервые произнесла «папа», глядя на него широко раскрытыми глазами, полными доверия. С тех пор, как однажды упала, разбив колено, расплакалась, но всё равно поднялась и пошла дальше.

Теперь пришло время её отпустить.

— Далия, — прошептал он. — Пора вставать.

Она не сразу отозвалась. После нескольких попыток отца разбудить её Далия всё же зашевелилась, нахмурилась и надула щёки, совсем как в детстве, когда не хотела просыпаться. Магнус улыбнулся и повторил чуть громче:

— Проснись, моя воительница.

Выйдя на улицу, Магнус направился к их излюбленному месту, тому самому большому валуну, возле которого они часто сидели вечерами, разжигая огонь и глядя на звёздное небо.

Далия тем временем быстро привела себя в порядок: умылась, расчесала волосы, оделась и выбежала из дома. До отца она дошла босиком, ступая по холодной траве, покрытой утренней росой. В низине над землёй стелился небольшой туман. Далия села рядом с отцом и подтянула ноги к груди, обхватив их руками.

Они долго сидели молча, наблюдая, как солнце медленно поднимается из-за горизонта и первые лучи ложатся на воду, траву и далёкие крыши Хедебю. Ветер перебирал их волосы, то забрасывая пряди на лица, то отбрасывая их назад. От щекотки на шее Далия тихо улыбнулась, и Магнус, заметив это, тоже усмехнулся.

— Ты всегда была упрямой и несгибаемой. Маленькая воительница, — начал Магнус, тихо рассмеявшись. — Когда ты впервые пошла, я плакал так, как никогда прежде. Эти

маленькие ножки топали по полу, а ты упрямо шла прямо ко мне. Я тогда был счастлив, как никогда.

Далия улыбнулась, и на щеках выступил лёгкий румянец.

— Я оберегал тебя, учил всему, что знаю.

— И я благодарна тебе за это, отец, — тихо перебила Далия, следя за птицей, скользившей по утреннему небу. — Правда благодарна. Именно ты взрастил во мне воительницу, которой я стану в скором времени.

— Тебе ещё многому придётся научиться, — сухо парировал он, покачав головой. Взгляд его стал серьезнее. Он слишком хорошо знал, в каком мире ей предстоит жить. — Ты всегда должна помнить: доверять человеку целиком — слишком большая роскошь. Люди бывают жестоки, и не каждый, кто идёт рядом, готов идти с тобой до конца. Хотя я вижу, что рядом с тобой есть достойный человек, прежде чем подпустить его близко, ты должна узнать, чего он стоит. Помни, что зло есть в каждом из нас. Вопрос лишь в том, что его породило и куда человек направит его.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты уже не ребёнок. Если чувствуешь, что что-то не так, не отмахивайся от этого чувства. Доверяй тому, что подсказывает тебе сердце, и предательство выкорчёвывай с корнем. Не щади того, кто не заслуживает пощады, иначе рано или поздно он придёт за тобой и за теми, кого ты любишь.

Закусив губу, Далия старалась запомнить каждое его слово. Отец прожил долгую жизнь: сражался с врагами, водил

людей в бой, терял тех, кого любил, и видел достаточно, чтобы его словам нельзя было не верить. Его опыт мог стать для неё щитом, но глубоко внутри Далия уже знала, что какой бы совет он ни дал, свой путь ей всё равно придётся пройти самой.

— Когда-нибудь меня не станет, и тебе придётся жить дальше, — Магнус умолк, потирая переносицу. Несколько мгновений он смотрел на рассвет, прежде чем снова взглянуть на дочь. — Поэтому я хочу, чтобы он напоминал тебе обо мне.

Развернув корпус, Магнус вытянул из-за спины потрёпанную тёмно-серую тряпицу. В ней было что-то туго завернутое, явно тяжёлое на вид. От свёртка веяло холодом, и даже на расстоянии Далия ощущала его кожей, будто то, что находилось внутри, долго лежало во тьме, впитывая её холод и сохраняя в себе нечто чужое и древнее. По позвоночнику Далии пробежала дрожь, внезапно стало трудно глотать. От предмета исходила такая сила, что Далия не могла понять, чего в ней больше — страха или невольного желания прикоснуться к нему.

И тут она впервые в жизни услышала шёпот богов. Он был едва различим, скорее ощущением на границе слуха, но Далия всё же услышала его. Руки сами потянулись к свёртку, пальцы коснулись ткани, и по ним прошёл холод. Она медленно откинула её, освобождая клинок.

Меч отливал глубоким, почти чёрным блеском, напоми-

нающим тьму, в которой легко потеряться. Первые лучи солнца легли на сталь и вспыхнули бликами. Далия ахнула и на мгновение отдёрнула руку, прижав её к губам.

Лезвие было безупречным, таких клинков она никогда не видела. По всей его длине, вплоть до самого острия, тянулись руны, выбитые рукой её отца. Далия перевела взгляд на Магнуса, на его ладонях виднелись свежие порезы и ожоги. Она тут же схватила его руку и поцеловала там, где кожа была изранена, но Магнус лишь покачал головой и указал на меч.

— Моя боль не стоит твоих поцелуев, дорогая. Это твой меч, так возьми же его. Ему пора узнать свою хозяйку.

— Он невероятен, — прошептала Далия, осторожно проводя кончиком пальца по металлу. — Словно сами дверги выковали его в глубинах земли, закалили многовековым огнём и наделили рунами. Отец, ты и вправду великий мастер.

Далия сомкнула пальцы на эфесе и подняла меч из ткани, оставшейся в руках отца. Она встала, удерживая клинок в первых лучах солнца. Меч лёг в ладонь удивительно естественно, Далия сделала резкий выпад, и сталь мягко рассекла воздух. Ещё один взмах — клинок послушно последовал за движением руки, лёгкий, точный и хорошо сбалансированный.

Когда Далия наконец остановилась, она на мгновение прикрыла глаза, прислушиваясь к тихому звону стали. Затем медленно опустилась на колени перед отцом, подняла меч

обеими руками и склонила голову.

— Отец, — произнесла она твёрдо. — Твой подарок — великий дар для меня. Я клянусь, что стану твоей гордостью и сокрошу каждого врага, что встанет против меня.

Ветер прошёлся по траве, качнув зелёные стебли вокруг них. Где-то над фьордом вскрикнула птица. Для Магнуса в этот миг детство дочери ещё стояло рядом с ними — в её босых ногах, в растрёпанных белых волосах и в упрямом взгляде.

Но теперь в её руках лежала сталь. Отныне детство медленно оставалось позади. Приближалось время, когда этот клинок впервые познает кровь.

Время, когда девочка уступит место воину и мир впервые узнает её имя.

Два дня назад, вечером.

Вечер наступил быстро. На кухне чертога слуги торопливо готовили ужин для конунга, который весь день ходил злой, как голодная псина. Сина, преданная служанка Маргрит, уже спешила в её спальню, держа в руках кувшин с водой и прокручивая в голове услышанное. Слухи о браке Далии и Вигго медленно оплели весь чертог, но страх перед гневом конунга заставлял людей держать языки за зубами и не выносить разговоры за стены его дома.

— Теперь я понимаю, почему Вигго так взъелся, — с ухмылкой прошептала Маргрит.

Она давно чувствовала, что воздух в чертоге меняется и явно не в её пользу. Их отношения с Вигго ухудшались уже давно, но Маргрит всеми силами пыталась удержать его возле себя и в своём ложе, даже когда сталкивалась с его грубостью и насилием. В последнее время она заметила и другое. Отношения Вигго с сыновьями стали совсем иными. Между ними повисла тяжёлая тень, и кто бы мог подумать, что причиной станет девчонка. Да ещё не какая-нибудь, а та самая, что с детства гостила в этом чертоге и росла рядом с её старшим сыном. От одной мысли об этом сердце Маргрит плакало. Она хорошо помнила Далию. Слишком хорошо. Эта девочка была непроста, и опасаться её стоило.

— Где мальчики? — спросила она Сину.

— Вигго... Он наказал их.

— Что он сделал? — Маргрит сжала кулаки, уже вспоминая, на что способен её муж в гневе. — Что он сделал с ними?

— Господин сегодня был в дурном настроении. Мальчики слишком громко смеялись, и он рассердился, побил их, а потом запер каждого в своей комнате, велел не давать им ни еды, ни воды.

— А Виггар? Он где?

Сина тяжело сглотнула и на мгновение отвела взгляд.

— Он встал на защиту братьев. Господин сначала не стал его наказывать, только велел уйти, но Виггар не послушался. Он пошёл на отца, и тогда Вигго уже не смог сдержать гнев.

Служанка осеклась, заметив, как задрожала Маргрит.

— Виггар улыбался, — поспешно продолжила она. — Держался достойно, принимал удары с улыбкой. А когда его поволокли в комнату, он громко смеялся.

— Чему тут не переживать... Он такой же, как отец. Если не хуже...

Маргрит скривилась, она могла бы пойти к мужу и попросить отменить наказание, но Вигго был не тем мужчиной, которого можно умолять в подобный час. Если попытаться перечить ему, его ярость только усилится, а вместе с ней достанется и ей — порой сильнее, чем самим сыновьям. Она слишком хорошо знала, как звучит голос Вигго, когда он выходит из себя, и что он способен сделать, если кто-нибудь встанет у него на пути.

У Маргрит было трое сыновей, и двое из них стали для Вигго разочарованием ещё в детстве. Едва мальчики научились стоять на ногах, он уже замечал в них ту слабость, которую презирал. Тогда Маргрит впервые увидела в муже не просто сурового отца, а человека, способного сломать собственных детей.

С годами его отношение к сыновьям становилось всё очевиднее. Подросших мальчиков Вигго почти перестал замечать, считая их слабым звеном, от которого однажды придётся избавиться. Лишь Маргрит всякий раз вставляла между ними, стараясь не дать мужу окончательно отвернуться от собственных детей.

Вигго не нравилось, что именно она растит в них мяг-

кость. В этом была своя правда: Маргрит жалела сыновей, баловала их и всячески старалась оградить от жестокости отца. Она слишком поздно поняла, что в семье конунга слабость могла стать приговором, но материнская любовь не позволяла ей смотреть на детей его глазами. Теперь же, защищая их от Вигго, она сама невольно оставляла их под ударом его гнева.

Единственным сыном, в котором Вигго видел своё продолжение и к которому по-настоящему был привязан, оставался Виггар — чуть старше самой Далии. Он походил на отца и внешне, и силой, унаследовал его хитрый ум, жажду победы и склонность к насилию, но покоряться Вигго не желал. Напротив, он нарочно делал ему наперекор, словно всякий раз проверяя, насколько далеко отец готов зайти.

Однако у Виггара был и другой изъян: в шесть лет он перестал говорить. Вигго и Маргрит пытались понять, что произошло, искали способы вернуть ему речь, обращались к тем, кто, по их мнению, мог помочь. Но ничего не менялось. Ни молитвы богам, ни заговоры знахарок, ни отвары не вернули мальчику голос. Со временем Вигго начал винить во всём жену.

Маргрит подошла к небольшому деревянному столику, где среди её вещей лежало полированное металлическое зеркало. Она подхватила гребень и медленно провела им по волосам, снова возвращаясь к одной и той же мысли. Её семья давно была далека от того дома, о котором она когда-то меч-

тала. С каждым днём происходило что-то новое, и Маргрит всё чаще ловила себя на мысли, что этому безумию не будет конца.

Но уйти от мужа она не могла да и не хотела. Слишком сильно любила Вигго. Слишком много значили для неё его власть, положение и жизнь рядом с конунгом. Даже если за это приходилось платить собственным телом и терпеть в нём зверя.

— Ты ведь пришла мне рассказать не только о мальчиках, — процедила женщина, сверля взглядом зажатую девушку, стоявшую недалеко от выхода. — И не только о Далии. Ты уверена в том, о чём говорят рабы?

Сина кивнула и сделала два шага вперёд, чтобы её слышала только госпожа, которая и без того была на взводе.

— Я сама подслушала господина, моя госпожа.

Маргрит недовольно качнула головой, но тут же вспомнила, что сама велела Сине докладывать обо всём, что говорит и делает её муж. Она коротко кивнула, позволяя служанке продолжить.

— Они сидели с Рольфом в большом зале и обсуждали Далию. Тогда он сказал, что хочет этого брака, и велел готовиться.

— Вот же дрянь! — прошипела Маргрит. — Дрянь!

Она метнулась к окну, но почти сразу резко развернулась, сама не понимая, почему услышанное вызвало в ней такую бурю. Маргрит заходила по комнате, отбросила гребень на

пол и нервно перебирала браслеты на тонких запястьях. Если Вигго уже обсуждал этот брак с Рольфом, значит, всё зашло гораздо дальше, чем она думала. Он не просто желал Далию — он готовился сделать её своей женой.

А если этот брак состоится, власть Маргрит в чертоге закончится.

— Госпожа! — вскрикнула Сина, склоняя голову ещё ниже под её разъярённым взглядом. — Думаю, не стоит так переживать. На кухне поговаривают, что Магнус приходил к Вигго и отказал ему в браке. Ведь договариваться приходила его жена, а не он сам.

— Ты думаешь, отказ что-нибудь изменит? — фыркнула женщина. — Вигго ненавидит, когда ему отказывают, и всем это известно. А ещё всем известно, насколько сильно он хочет вновь породниться с Магнусом. Ты забыла, что когда-то они были братьями? Да Вигго скорее сожжёт собственных детей, чем позволит такой возможности ускользнуть из его рук!

Маргрит снова заходила по комнате, потирая ладони, но успокоиться не могла. Она слишком хорошо знала, насколько Вигго одержим семьёй Магнуса и как сильно желает вернуть то, что однажды между ними было.

В счастливые годы она сама слышала от него об этом. Тогда они лежали рядом после ночей, проведённых вместе, и Вигго позволял себе говорить о том, о чём обычно молчал. В такие минуты он становился мягче, почти беззащитным,

и Маргрит казалось, что именно ей он доверяет то, что прячет от всего мира. Она знала, какое место в его сердце занимал Магнус, но знала и другое. Вигго всегда по-особому относился к Далии. Он помнил её ещё девочкой, когда она росла в его чертоге рядом с Виггаром, но тогда в этом не было ничего, кроме привычки видеть её частью своей семьи. Всё изменилось, когда Далия выросла, с тех пор его внимание к ней становилось всё настойчивее, пока не переросло в одержимость.

— Это ещё не всё, — тихо добавила Сина, боясь разгневаться госпожу ещё сильнее.

— Что ещё?! — вскрикнула Маргрит, впиваясь ногтями в ладони. — Какую мерзость ты ещё хочешь сказать мне?

Сина сглотнула и опустила глаза.

— Аслау делила ложе с вашим мужем.

Маргрит медленно подняла глаза на служанку и несколько раз удивлённо моргнула. Аслау была её служанкой, одной из тех, кому Маргрит доверяла и кого подпускала к себе ближе остальных.

— Аслау говорила, что однажды, когда вы делили ложе, господин хотел задушить вас, но остановился, потому что вы мать Виггара.

Сина замялась, пальцы её задрожали.

— И ещё...

Маргрит ничего не сказала, понимая, ничего хорошего уже Сина не скажет.

— Господин сказал, что делить с вами ложе — самое мерзкое, что ему когда-либо приходилось делать.

Слова мужа вошли в неё острее копьё. Маргрит и прежде знала, что Вигго не питает к ней той любви, которую она когда-то видела в его глазах. Знала о его грубости, знала о других женщинах, и знала, что иногда он смотрит на неё с раздражением, а не с желанием. Но услышать это вслух было совсем другое.

Она прикрыла глаза, и перед ней вдруг всплыл тот день, когда она узнала, что носит Виггара под сердцем. Тогда ей казалось, что Вигго любит её. Он устроил для неё пир, осыпал подарками, не позволял ей тяжело работать и даже носил её на руках, смеясь над тем, что она возмущается. Маргрит помнила каждый взгляд, каждое прикосновение и верила, что в те дни была для него единственной.

А теперь выяснилось, что собственный муж делит ложе с её служанкой и рассказывает ей о том, насколько отвратительна ему жена. Маргрит медленно опустилась на кровать. Ладони легли на деревянный край, пальцы сжались так сильно, что костяшки побелели. В груди поднималось что-то горячее и тяжёлое.

— За что ты так со мной? — шептала Маргрит, упрямо глотая солёные слёзы. — Вигго... За что?..

Во рту пересохло, будто язык и нёбо присыпало пеплом. Перед глазами поплыло, виски сдавило тупой болью, а в груди кольнуло так резко, что она захлебнулась собственным

ВДОХОМ.

— За что ты так со мной! — голос сорвался, и последняя слеза скользнула по щеке, оставляя после себя жгучий след. — Пусть небеса обрушатся тебе на голову! Пусть Тор порази тебя молнией! Пусть тебе будет так же больно, как мне сейчас... Пусть тебя предадут все, как ты предал нас!

Она выпрямилась, сжала кулаки, и в её глазах вспыхнуло нестерпимое пламя.

— Я проклинаю тебя! — выкрикнула Маргрит и со всей силы ударила рукой по дереву. — Проклинаю тебя именами богов!

Маргрит закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. Она уже не надеялась ни на милость Вигго, ни на его прежнюю любовь, если Магнус отказал ему, оставалось лишь ждать. Рано или поздно Вигго придёт за Далией, а вместе с ней под удар попадёт и Маргрит. И если муж действительно решит избавиться от неё, ей останется только молиться, чтобы боги не отвернулись от неё раньше, чем он поднимет на неё руку.

На одном из рассветов Маргрит решила действовать. Промедление грозило ей потерей всего, чем она обладала, а терять ей было что. Отдав распоряжение служанкам приготовить для мужа пиршественный стол с его любимыми блюдами, она отправилась приводить себя в порядок. Пусть слуги суетятся у очага и расставляют посуду — сегодня Маргрит хотела предстать перед своим предателем такой, какой он когда-то желал её видеть.

В купальне она медленно погрузилась в тёплую воду. Тепло на время вытеснило из тела усталость, а вместе с ней и напряжение, не отпускавшее её последние дни. Маргрит закрыла глаза и позволила себе несколько минут покоя, прежде чем снова надеть на себя лицо женщины, которой нельзя показывать страх.

Выйдя из воды, Маргрит тщательно вытерлась грубым полотном, отжала волосы и принялась расчёсывать их. Только закончив, она подошла к столику, где лежали её украшения и принадлежности. Она вновь провела гребнем по волосам, после чего заплела их в тугую косу, оставив несколько волнистых прядей у висков. Подвела глаза сурьмой — совсем немного, лишь подчёркивая их форму. На шею повесила тонкую цепочку с лавандовым камнем. Это украшение было памятью о прежней любви, о тех временах, когда между ней и Вигго ещё не стояла та пропасть, которую она видела теперь.

Без колебаний Маргрит выбрала тёмно-фиолетовое платье из дорогой ткани, привезённой морскими торговцами. Плотная ткань ложилась по фигуре, тяжёлая и гладкая, а насыщенный цвет подчёркивал бледность её кожи. Платье закрывало руки и ноги, лишь у горловины оставляя чуть больше открытой кожи, чем обычно позволяла себе Маргрит.

Когда все собрались в чертоге за утренней трапезой, Маргрит заняла своё место по правую руку от Вигго. По левую от него расположился его брат — свежий, оживлённый, с гла-

зами, полными радости и беззаботности. Маргрит бросила на него короткий взгляд и едва заметно улыбнулась, а затем медленно повернула голову к мужу.

Она была готова бороться до конца — за себя, за сыновей и за то место, которое так долго удерживала рядом с конунгом.

ГЛАВА 9. Когда боги смотрят, но не спасают

Запах жареного мяса, тушёных овощей и терпкого эля наполнял воздух. Тайр жевал лепёшку, Вигго — мясо да сыр, и лишь Маргрит держала в руках кубок, медленно перекачивая в нём эль. Она облокотилась спиной о спинку стула, закинула ногу на ногу и вальяжно устроилась, нарочно подчёркивая вырез платья. Чего не скрыть, того не скрыть: как бы Вигго ни уверял, что давно не желает её, он всё равно то и дело невольно засматривался на жену. Тайр тоже не упускал её из виду, время от времени облизывая губы.

— Так ты расскажешь, братец, с кем был этой ночью? — с ухмылкой спросил Вигго, переводя взгляд с декольте жены на Тайра. Тот тяжело сглотнул, но тут же вернул на лицо привычную ухмылку мерзавца, которому всё на свете ни почём. — Давай, не ломайся. Кто была та девица, что грела твоё ложе? А? Я ночью проходил мимо, не спалось, слышал стоны. Думал зайти, да решил: пусть эта добыча останется одному тебе.

Маргрит сильнее сжала кубок, но ничем себя не выдала.

Лишь выгнула бровь, наклонилась вперёд, опираясь локтями о стол, и с нарочитой игривостью спросила:

— Тайр, — протянула она. — Так неужто ты наконец остепенился? Жену нашёл или так, девка для развлечения на одну ночь?

— Да какая ему жена, Маргрит, — громко расхохотался Вигго, прекрасно зная нравы брата. — Он и семья — два разных пути. Тайр лучше на два года уйдёт в море, чем обречёт себя таким узам.

— Значит, девка на одну ночь, — произнесла Маргрит с улыбкой, хотя внутри от этих слов неприятно сжалось.

В глазах Тайра мелькнул укор. Он не мог открыто сказать, что хотел бы, чтобы женщина, пришедшая этой ночью в его ложе, осталась с ним навсегда. Не мог признаться и в том, что любит её давно — ещё с того дня, когда она попыталась убить Вигго, а Тайр спас брата. Сжав кулак под столом, он лишь усмехнулся:

— Не то чтобы на одну ночь. Но не могу я быть с ней.

— И почему? — Вигго откусил лепёшку с сыром. — Неужто муж есть?

— Есть, — подтвердил Тайр.

Маргрит прикусила губу, боясь, что он скажет лишнее и она зря доверилась ему.

— Но не это для меня преграда. Сегодня муж есть, а завтра нет, — хмыкнул Тайр. — Не хочу я обязательств. Там и гляди, она детей захочет, а мне они ни к чему.

Вигго понимающе кивнул брату, после чего злобно зыркнул на жену, вспомнив двух слабых младших сыновей да строптивного старшего, который едва ли не каждый день пытался идти против отца. Но чем-то Виггар напоминал ему самого себя в молодости, ведь однажды он тоже осмелился пойти против собственного отца.

Они поели в тишине, завтрак оказался сытным и тяжёлым, и вскоре Вигго развалился на стуле, ощущая приятную тяжесть в животе. Но даже после сытной трапезы место для эля он всегда находил, поэтому вскоре к столу подали ещё кувшин. За ним последовал другой, и разговор постепенно потёк неторопливо, перемежаясь смехом Тайра и редкими замечаниями Вигго.

Маргрит, однако, недолго позволила им наслаждаться этим спокойствием. Она знала, зачем пришла, и Тайр тоже.

— Вигго, — произнесла жена. Голос её звучал ровно, почти холодно, хотя внутри всё ещё пылало от воспоминаний. Она отстранилась, облокотилась на спинку стула и скрестила руки на груди, отбивая пальцем по предплечью. — Мы должны поговорить. Но сразу хочу сказать: тебе не понравится то, что я скажу. Поэтому прошу выслушать меня до конца, прежде чем ты вынесешь своё решение.

Медленно, очень медленно Вигго поднял взгляд на жену. Он закусил губу, усмехнулся, ещё раз скользнул по её вырезу, затем посмотрел ей прямо в лицо и едва заметно кивнул. Для остальных этот жест ничего не значил, но для Маргрит

— значил всё.

Она понимала, что любое слово против его друга может стоить ей головы. Но иного выхода не было. Если она хотела спасти себя и сыновей, ей придётся рискнуть и сказать то, что должна, прямо в лицо человеку, способному в одно мгновение сломать ей шею. Даже Тайр, сидевший напротив, не сможет остановить брата, если Вигго решит перейти черту.

— Можешь говорить.

— Мне всё известно.

Вигго не шевельнулся, лишь на миг сузились зрачки. Она продолжила, не давая ему времени ответить:

— Знаю о твоей одержимости Далией и о твоём решении взять её в жёны. — она сжала кулаки, глядя в всё ещё очаровательные глаза мужа, которые когда-то любила и которые не раз заставляли её забывать о его жестокости. Даже годы не смогли до конца вытравить из неё это чувство. — Но ты должен отказаться от этой затеи, иначе потеряешь всё.

— Что ты хочешь этим сказать, дорогая? — с усмешкой небрежно бросил мужчина, выгнув бровь. — Решила сохранить нагретое местечко? Соперничаешь с Далией?

— Нет, Вигго. Я ни с кем не соперничаю, ведь знаю себе цену. А что до места... кто же не желает сохранить место рядом с любимым?

Вигго скривил лицо, но Маргрит лишь шире улыбнулась, принимая правила игры. Она знала, что сейчас нельзя да-

вить. Нужно заставить его самого прийти к нужному выводу.

— Давай вместе подумаем. Жена твоего друга приходит и умоляет о таком союзе, но спустя время приходит сам Магнус и отказывается от него. Тебе не кажется всё это странным?

— Мне не кажется, а вот ты, кажется, начинаешь меня уже злить.

Вигго сжал кулаки.

— Брат, успокойся, — вмешался Тайр, откинувшись на спинку стула. — Давай слушаем Маргрит. Она явно что-то хочет нам доказать. Так позволь этой женщине сказать, не всё же ей на кухне сидеть.

Маргрит оскорблённо покосилась на него, но Тайр лишь широко улыбнулся. Вигго бросил на брата тяжёлый взгляд, затем снова посмотрел на жену.

— Говори дальше, — процедил он наконец. — Обещаю выслушать. И даже не побить тебя раньше времени.

Маргрит медленно провела языком по пересохшим губам.

— Боги всеми путями пытаются отвести тебя от этой опасности, Вигго. Они пытаются показать, какая ошибка тебя ждёт, если ты свяжешься с ней.

Вигго непонимающе приподнял бровь.

— В последние дни тебя преследуют кошмары, не так ли?

— Так. Дальше что?

— Эти кошмары — предвестники грядущего. Если Далия станет твоей женой, этот союз разрушит тебя. Не завтра, так

через год. Не через год, так через пять. Но разрушит непременно.

На мгновение Вигго задумался, он вспомнил собственные видения. Вспомнил и то, сколько раз Маргрит угадывала то, что должно было произойти. Она не раз говорила о событиях прежде, чем они случались, а его собственные сны уже не впервые оставляли после себя тревожное чувство, будто кто-то невидимый пытался предупредить его. Но сейчас он не мог понять, говорит ли жена из страха за него или защищает своё положение.

— Ты говоришь так, будто знаешь больше, чем я, — произнёс он наконец.

— Я знаю то, что вижу, — ответила Маргрит. — А вижу я, как ты знаешь, намного больше остальных. И сейчас мой взор открыл правду, которую от тебя скрывают. Я вижу, как Гизала решила играть с тобой в грязные игры, а Магнус поставил тебя на место, ровно туда, где ты был много лет назад, ещё мальчишкой. Без власти. Без права решать, что будет с тобой, с Тайром и твоими сёстрами. Тогда ты был по уши в крови и не знал, как спасти своих родных. И только Оддгейр дал тебе крышу над головой.

— Замолчи, — прошипел Вигго.

Перед глазами вновь вспыхнули те годы: кровь, холод, голод и собственная беспомощность. Он был тогда мальчишкой и не знал, как защитить тех, кто зависел от него. Не знал, куда идти и кому верить, пока не пришёл отец Магнуса.

— Нет, Вигго. Я вижу, как эта семья решила отомстить за Оддгейра. Неспроста всё это. Тебе стоит раскрыть глаза и забыть о любви к Магнусу.

Тайр ухмыльнулся, уголок его губ лениво дрогнул. Он неспешно поднёс кубок к губам и сделал глоток, не сводя глаз с брата и его жены. Он не перебивал, лишь ждал, что будет дальше, хотя и самому вспоминать те дни было не легче, чем брату.

— Ты великий конунг, отважный воин. Сколько ты уничтожил врагов? — продолжила Маргрит, не давая Вигго вставить ни слова. — Ты мой конунг, повелитель земель и судеб. Так скажи мне: как такой человек может идти на поводу у такой семейки, как они? Как ты можешь позволить своим желаниям затмить реальность, в которой эта невинная с виду девчонка свергнет тебя и вернёт власть в руки своей семьи?

Вигго вздрогнул, челюсть напряглась, но он всё же покачал головой. То ли хотел доказать Маргрит, что она ошибается, то ли самому себе, что Магнус не способен поступить подобным образом. Они ведь были братьями.

Маргрит знала, куда бить, ведь все эти дни в пищу Вигго понемногу подмешивали дурманящие травы. Ничего, что свалило бы его с ног или сразу выдало её замысел, лишь малая толика, день за днём, чтобы тревожные сны становились ярче, сон тяжелее, а мысли всё менее надёжными. Теперь страх уже делал за неё половину работы.

— Ты не слеп и не глуп, Вигго, но почему-то не видишь того, что лежит у тебя под самым носом. Она не такая, как остальные дети. И нужно быть настоящим дураком, чтобы этого не замечать.

Вигго фыркнул и лениво откинулся на спинку стула, косясь на жену тяжёлым взглядом. Его пальцы медленно прошли по краю кубка. По лицу было невозможно понять, что он решит сделать — швырнуть его о стену или в Маргрит.

— Я прекрасно всё вижу, поэтому я конунг, а ты всего лишь женщина, — бросил он небрежно.

Маргрит лишь улыбнулась и медленно наклонилась к нему, остановившись так близко, что Вигго почувствовал её дыхание на своих губах. Когда-то именно эта близость сводила его с ума. Он любил Маргрит, желал её и не представлял рядом с собой другой женщины. Теперь от тех чувств почти ничего не осталось, но её прикосновения по-прежнему будили в нём знакомое желание. Вигго знал, что больше не смотрит на неё так, как прежде, и всё же тело помнило то, что разум давно отпустил.

— Да? — тихо прошептала она, проводя пальцами по резному подлокотнику его стула. — Значит, великий конунг теперь поощряет сейд? Хм... Тогда твои слова стоят не больше дыма над очагом. Разве не ты сам преследовал тех, кто занимался этим чёрным делом? Разве не ты убивал их и всякого, кто пытался продолжить их дело, лишь бы никто больше не смел тревожить богов запретными чарами? Или для Гизалы

твои законы больше ничего не значат?

— Выбирай выражения, Маргрит, — прошипел Вигго, сжимая пальцы на подлокотнике так сильно, что костяшки побелели.

— А что мне выбирать? — негромко рассмеялась она, возвращаясь на своё место и устраиваясь удобнее. Проведя пальцем по краю кубка, Маргрит подняла взгляд на мужа и уже без улыбки продолжила: — Ты сам писал эти законы чужой кровью, сам велел карать тех, кто осмеливался практиковать сейд, а теперь позволяешь Гизале делать то, за что другую женщину давно бы казнил. И не говори, что ты не знал, кем она была с рождения. Ты ведь помнишь, что она делала с... как её там звали?

Маргрит на мгновение задумалась, будто действительно пыталась вспомнить имя, а затем усмехнулась.

— Ингви. Да, точно, Ингви. Ты ведь помнишь, что тогда происходило? И твоя сестра Асе тоже была в этом замешана.

В глазах Вигго блеснула влага, и Маргрит на миг почувствовала вину. Она знала, куда ударила, и знала, что коснулась самой болезненной раны, которую он носил в себе после смерти младшей сестры, но отступать уже не могла. Ради себя и своих детей она готова была переступить даже через это. Маргрит бросила короткий взгляд на Тайра, и тот едва заметно кивнул, подтверждая её слова.

— После смерти первого ребёнка Гизала долгие годы оставалась бесплодной, — продолжила она уже тише. — Она

молилась богам, приносила им жертвы, просила даровать ей ещё одного ребёнка, но всё было тщетно. И вдруг случилось чудо: она зачала и родила девочку.

Маргрит ненадолго замолчала, позволяя тишине сделать за неё то, чего не могли слова, а затем медленно склонила голову.

— И всё было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Эта девочка действительно отличается от остальных. Я не стану лгать, Далия прекрасна, и даже Фрейя могла бы позавидовать такой красоте. В наших краях давно не рождалось подобного ребёнка. Можно было бы сказать, что боги сами коснулись её своей рукой, если бы не странности, которые слишком трудно объяснить.

Она перевела взгляд с Вигго на Тайра, внимательно следя за выражениями их лиц.

— Скажи мне, Вигго, ты действительно веришь, что именно боги подарили Гизале это дитя?

Тайр медленно поставил кубок на стол. Дерево глухо отозвалось под его дном, и этот тихий звук особенно отчётливо прозвучал в повисшей между ними тишине. Вигго выпрямился, становясь над женой ещё выше и внушительнее, однако Маргрит не отступила. Она смотрела ему прямо в глаза, понимая, что ещё одно неверное слово может стоить ей жизни, но всё равно продолжала.

— Ты играешь с огнём, — процедил Вигго. — Гизала не посмела бы нарушить мой приказ, и ты это знаешь.

— Я давно танцую в этом огне, — спокойно ответила Маргрит. — И если ты не видишь, что Гизала могла переступить через твой запрет, если не хочешь замечать, что происхождение этой девочки и её необычная внешность дают слишком много поводов для вопросов, значит, ты уже позволил им ослепить себя. Ты доверяешь Магнусу больше, чем собственной жене, и однажды можешь проснуться без власти, трона и без права решать собственную судьбу. Отдай власть Магнусу, если настолько веришь ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.